

«Соловецкий цветник» митрополит Мануил (Лемешевский)

Соловецкая обитель прпп. Зосимы и Савватия в течение столетий была духовным бастионом Православия на крайнем севере Русской Земли. Здесь сформировался особый тип соловецкого подвижничества, выявились неповторимые черты русской святости, обусловленные местной традицией, природой, историческими обстоятельствами, и в первую очередь Божественным Промыслом, благоустраивающим и определяющим пути человеческой жизни. Господу угодно было насадить на этих некогда безжизненных и удаленных островах благоухающий Сад спасения, который в течение многих веков украшался дивными и редкими цветами. Пустынножители, трудники, безмолвники, старцы, тайновидцы, постники, молитвенники и аскеты – сколько этих светлых и Богоугодных душ прославляют ныне Небесного Царя в Соборе соловецких святых!

«Соловецкий Цветник» составлен Мануилом, епископом Лужским, в период его заключения в Соловецком лагере особого назначения с 1924 по 1928 год. В него вошли отдельные жизнеописания, составленные в разное время большей частью неизвестными Боголюбцами из монашеской братии, записи монастырских преданий, сделанные самим еп. Мануилом, рукописи, письма, заметки благочестно поживших праведников, синодики, послужные списки, Соловецкие Некрополь и Патерик и некоторые другие источники, свидетельствующие об удивительном и многообразном мире соловецкой святости.

Читатель «Цветника» откроет для себя не только сокровенные стороны духовной жизни монастыря, но и драматические, исполненные напряжения и сил страницы многолетней «соловецкой смуты», приведшие, в конечном итоге, к печальному, но закономерному исходу, когда из твердыни духа Соловецкая обитель была превращена в тюрьму и концлагерь. Грозное Божественное прещение не пощадило ни насельников, ни хранимых ими святынь за гордое отвержение данных обетов и упорствование в грехе.

Рассуждая о причинах русской национальной катастрофы, следует внимательнее проанализировать те глубинные апостасийные процессы, которые наблюдались в духовной жизни России в начале XX века, в том числе и в среде известнейших и старейших монастырей, традиционно служивших оплотом православной веры и благочестия. Ныне, спустя много лет, когда Соловецкая обитель вновь возвращена к жизни и новое

поколение монахов возносит свои молитвы к Богу и Его Пречистой Матери о спасении Русской Земли, особенно важно помнить трагические уроки прошлого и свято хранить Божественные заповеди, продолжая исконные традиции православного подвижничества и следования главной цели христианской жизни – стяжания Духа Святаго.

Текст «Соловецкого Цветника» публикуется впервые по машинописной копии из архива митрополита Мануила. Данная публикация представляет собой журнальный вариант одной из ранних и в то же время значительных агиологических работ автора, во многом определивших его судьбу как церковного исследователя и историка русской святости.

М.М.

Архимандрит Иоанникий († 6 июня 1921)

«Случися, – рече старец Савватий, – по нашим грехом, Богу попускающу, погоре у нас в монастыре трапеза со всем монастырским запасом» (О пожаре в 1484 году / Житие и чудеса прпп. Зосимы и Савватия. Л. 34.).

«Много молихом Всещедраго и Всемиловитаго Господа Бога, но не послушаша нас, но прогневася на место сие, и хощет вскоре обитель огнем пожещи: яко преимущии во обители неправе творят в братии, и братия також всегда ропщут, и терпения не имут, и того ради гнев Божий приводят на обитель» (Слово прп. Зосимы старцу Леониду в 1538 году незадолго до великого Соловецкого пожара в сем году / Житие и чудеса прпп. Зосимы и Савватия. Л. 50 и оборот).

«В монастыре ропот неимоверный» (Письмо митр. Филиппа братии из Москвы в 1560 году / История Соловецкого монастыря. С. 47).

«Что посеешь, то и пожнешь» (Слово митр. Филиппа игумену соловецкому Паисию, оклеветавшему его с братией данными им ложными показаниями в Москве из-за великих ему посулов / История Соловецкого монастыря. С. 52).

«При архимандрите Паисии в монастыре произошло некое нестроение. Враг диавол испросил на время искушить обитель и живущих в ней; искушаемые же оказались нетерпеливыми» (Слово Феофана пустытника / Соловецкий патерик. С. 142).

Взятые мною выписки из соловецких летописей, историй и патерика о бывших здесь неоднократных смутах и восстаниях братии против настоятелей имели целью показать читателю, главным образом, из числа соловецкого братства, и вообще всякому доброму христианину, насколько пагубными для души и для общего дела являются такого рода нестроения, раздоры и смуты и какими грозными прещениями и наказаниями они впоследствии караются.

Приступая к изложению жизнеописания бывшего на покое настоятеля о. Иоанникия, должен указать здесь на то, что его личность суммировала в себе всю горечь накопившегося ко времени его избрания скрытого и явного недовольства бывшим настоятелем о. Мелетием. Последний даже вынужден был покинуть обитель и смежить очи свои в чужом монастыре только потому, что братия не пожелали его. Главная школа и линия административного монастырского управления о. Иоанникия сложились в 12-летнее настоятельство о. Мелетия. Его цельная, неугомная,

карающая, дисциплинирующая натура держала весь монастырь на известной высоте и в постоянном напряжении, слегка ослабленном при о. Варлааме, чье недолгое, успокоившее и умиротворившее всех правление дало братии вздохнуть...

Но вновь дух деятельности о. Мелетия воплотился в о. Иоанникии – одном из ближайших его сотрудников. Вот откуда и недовольство старшей братии, сравнительно быстро изучившей о. Иоанникия. Много горя, соблазна и потрясений – физических и моральных – принесла борьба двух сил в монастыре; она воочию показала, насколько обе стороны находились на ложном пути, хотя иногда были и правы, и как их в конце рассудил Сам Господь.

Жизнь отца Иоанникия условно можно разделить на три периода:

1. Жизнь в монастыре до избрания в настоятели (путь восхождения).
2. Настоятельство (путь достижения идеалов и борения за общее благо).
3. Пребывание на покое (путь личного возрождения).

I

Отец архимандрит Иоанникий в миру прозывался Иваном Филипповичем Юсовым, был сыном крестьянина Архангельской губернии Онежского уезда Филиппа Юсова и жены его Марии. Родился он в 1850 году. Неплохо выучившись грамоте, отрок Иван по изволению родителей был отправлен по обещанию в Соловецкий монастырь на безвозмездные труды для святой обители. В то время в северных губерниях, среди поморов, очень широко практиковался обычай – посылать своих детей на разные сроки в Соловецкую обитель поработать «на преподобных».

17-летним отроком прибыл смиренный Иван Юсов в Соловецкий монастырь в настоятельство о. архимандрита Мелетия. Попав в состав трудников (годовиков), он был назначен на общие послушания по хозяйству. За трудолюбие, тихий нрав и усердие к храму Божию и келейной молитве братия полюбили Ивана и склоняли его по окончании срока остаться в монастыре еще на немалое время. Видя в окружающих поддержку в своем внутреннем решении, которого он открыто и в окончательной форме никому не высказывал, Иван с благословения монастырского начальства подробно отписал родителям о своем житье и испросил себе родительское благословение на дальнейшее пребывание во святой обители на неопределенное время. Хорошо усвоив уклад внешней монастырской жизни и сердечно полюбив сию святую обитель, он со временем и сам принял твердое решение остаться в ней и сложить здесь свои кости. А между тем, видя в нем неослабевающее рвение к

монашеской жизни, добросовестность в исполнении возлагаемых на него послушаний и прежнее усердие к храму Божию, куда он старался всегда поспевать одним из первых, отец настоятель и старшая братия радовались такому радивому и примерному труднику-иноку и постепенно стали поручать ему более важные дела, каковые Иван всегда исполнял быстро, толково, тщательно и благоговейно – по-монастырски.

По прошествии некоторого времени Ивана Юсова зачислили в монастырские послушники, затем постригли в рясофор, а вскоре после сего и в мантию, с именем Иоанникий. Умудренный опытом, утвержденный мужем мудрым и благоговейным, он принял великий постриг в сравнительно молодые годы, и вся его энергия и все его труды послужили в дальнейшем на благо святой обители и на спасение своей души.

Обладая хорошей грамотностью по сравнению с большинством малограмотных, а то и вовсе безграмотных из соловецкой братии, о. Иоанникий, как испытанный, надежный, всегда трезвый, честный и деловитый, вскоре был рукоположен в иеродиакона и назначен на должность делопроизводителя, очевидно, Собора. Через сравнительно небольшое время он возводится по ходатайству о. Мелетия во иеромонаха и одновременно указом Синодальной конторы назначается казначеем сего монастыря. Дальнейшее повышение – назначение его на должность наместника Соловецкого монастыря.

Восходя от силы в силу, от одной духовно-административной степени к другой, он всегда и везде обдуманно и осторожно приступал к делу и, как ближайший помощник отцев настоятелей Мелетия и Варлаама, пользовался у них неограниченным доверием во всех распоряжениях и действиях, касающихся монастырского хозяйства. Но столь же авторитетно и доказательно выявлял он свой голос и на собраниях Духовного Собора, где соединял многолетний опыт монастырской жизни с присущей ему редкой наблюдательностью в освещении святоотеческих писаний, в которых был начитан и весьма просвещен, поэтому ни одно распоряжение Духовного Собора не проходило без того или другого влияния его на дело. Все это, несомненно, выдвинуло его в глазах братии на первые роли.

Недолгое управление святой обителью о. архимандритом Варлаамом указало монастырской братии на необходимость выбора преемником сему о. Иоанникия. Да и сам о. Варлаам как раньше, так и незадолго до своего смертного одра неоднократно высказывал желание иметь своим преемником всем известного и всеми уважаемого о. иеромонаха

наместника Иоанникия.

16 декабря 1894 года мирно отошел ко Господу о. архимандрит Варлаам, почти беспомощный, тяжело страдавший последние месяцы от болезни почек. Вскоре после этого, в начале 1895 года, братия единогласно избрали в настоятели Соловецкого монастыря о. Иоанникия, о чем и послано было в Синод соответствующее заявление Духовного Собора монастыря на предмет утверждения выборов.

Весною 1896 года о. Иоанникий был утвержден в сей должности с возведением в сан игумена и через год – в сан архимандрита.

II

С этого времени начинается второй период деятельности настоятеля великой и славной Соловецкой обители о. архимандрита Иоанникия. Трудно теперь сказать, какими мотивами руководствовался он, принимая те или иные меры исправительного и дисциплинарного характера. Нельзя думать, что здесь отчасти имело место сведение личных счетов с теми из братии, которые в период его казначейства и наместничества мешали его деятельности и предначертаниям. Несомненно одно – он руководствовался, главным образом, стремлением не только внешне возвеличить и возвысить вверенную ему святую обитель, но и обновить и возродить духовно ее насельников. Но у него не хватило на это духовной силы, молитвенной теплоты и внутреннего сердечного подвига. Обращая больше внимания на внешнее действие в пределах чина и благообразия, он не сумел воспитать в братии настолько же духовных людей. О каких-либо особых подвигах или подвижничестве (как, например, отшельничестве, пустынножительстве) в период его настоятельства не было и речи, ибо царский путь иноческого шествия предпочитался всем другим.

Вот приблизительно тот путь, который прошел, вступив в управление сей обителью, ее бывший трудник, постриженник, плоть от плоти ее, кровь от крови ее, вот почему судить его строго за те или иные распоряжения, которые несвоевременно им будто бы предлагались к исполнению, или за те мероприятия, видимость пользы которых не сразу обнаруживалась, вовсе нельзя.

Надо все время помнить, что здесь мы имеем дело не с заурядной личностью, а с человеком, с отроческих лет всецело посвятившим себя святой обители, отдавшим свои лучшие молодые годы на тяжелые труды во благо ее, с человеком, который поставил себе известные цели и с непреклонной волею со времени своего настоятельства стал проводить их в жизнь.

Все свои силы, весь свой опыт, всю свою неутомимую и кипучую энергию прилагает он делу возвеличения святой обители. И как пастырь многочисленного словесного стада, и как начальник северного оплота Православия, он сумел совместить в себе оба эти направления, дав широкий простор деятельности всей монашествующей братии на благо обители. Чрез это, все те, кто старался ему мешать, тормозить его решения или пересуживать и критиковать их в такой плоскости, что дальнейшему деланию грозила задержка или пагуба, рассматривались им уже не как личные его враги, недоброжелатели или завистники, а как враги св. обители, преподобных ее хозяев Зосимы и Савватия и Самой Предстательницы пред Господом – Царицы Небесной.

Хорошо начитанный в Слове Божиим и умело пользовавшийся им, он всегда наставлял свою братию ссылками на Священное Писание, чем подчеркивал не самость сих вразумлений, а указывал на их божественную природу. Тем самым он слагал с себя ответственность за свои указания и увещания. И в силу этого он никогда не останавливался ни перед чем в моменты, когда требовалось проявить настоятельскую власть во всей полноте своего авторитета, а если нужно, и величия, что он вправе считал вполне законным делом.

С самого начала его настоятельства монастырское хозяйство стало постепенно расширяться. В первые же годы из фонда государственных земель был приобретен расположенный от Соловецких земель в пяти часах пути парходом остров Кондо, сплошь покрытый сосновым лесом. Это дало возможность монастырю открыть там смолокурный завод (даже с изготовлением скипидара), который работал на отходах от лесной таксированной разработки бревен и болот и продукция которого шла на строительные и хозяйственные нужды монастыря и его скитов. В эти же годы на Кондострове устроится скит с храмом в память святителя Николая, где проживало небольшое братство, из числа тех монастырских насельников, которым требовалось наказание за их озорство, непослушание и другие провинности и нарушения правил монастырской жизни.

Во время посещения Соловецкого монастыря военным министром Куропаткиным было испрошено для защиты от нападений на обитель 8 орудий и 600 ружей с соответствующим количеством снарядов, для возможной перевозки орудий по острову монастырю было пожертвовано несколько породистых лошадей из Государственного конезаводства, а на Муксольме был устроен конезавод, где выращивались лошади для военной монастырской потребности.

Благодаря разработке новых пастбищ, в том числе и за счет осушения болотистых сенокосов, постепенно стало также увеличиваться и число рогатого скота.

Были приняты исключительные меры по охране лесов и очистке их от гнилья и сухостоя.

Со временем около дока была построена электрическая станция (1911–1912 годы). Чтобы наладить работу водяной турбины все забитые, засоренные каналы были прочищены, а более мелкие озера, прилегающие к системе Святого озера, были соединены новыми каналами. Это дало возможность электрической станции почти без затраты дров круглый год освещать монастырь.

Ввиду все возрастающего числа богомольцев, ежегодно посещавших св. обитель, о. Иоанникий предпринял постройку нового парохода «Вера», вместимостью в 500 человек.

С расширением хозяйства росло и число рабочих рук. Почти никто из приезжавших потрудиться в св. обитель не имел отказа – всем находилось место, все получали необходимое. Благодаря этому, а также внешнему церковному благочинию монастырские доходы постепенно увеличивались и нужды ни в чем не ощущалось. Божие благословение зримо почивало на сей обители, особенно в первые годы настоятельства отца Иоанникия.

Но не только заботы о внешнем побуждали его на новые и новые труды. Видя низкий уровень грамотности и образования поступавших в св. обитель трудников, он решил расширить существующее монастырское училище, и к 4-м общим классам было прибавлено 4 специальных класса – богословских (по семинарской программе). Для преподавания в них богословских предметов были выписаны преподаватели с высшим и средним богословским образованием, которые были обеспечиваемы монастырем как нельзя лучше. Как будто ничто не должно было мешать внешнему и явно выразившемуся процветанию св. обители. Все приезжавшие на богомолье удивлялись образцовому и обширному монастырскому хозяйству, умилялись особенным благолепием, уставностью и пением монастырских служб, тому общему и редкому порядку, который проявлялся во всем, исключительно благодаря заботливому и мудрому хозяину св. обители. Все это не только возвышало его авторитет как настоятеля, но и окружало св. обитель особым блеском славы и любовью многочисленных ее богомольцев и поклонников.

А такие старцы, как иеросхимонах о. Зосима 4 мая 1920) и целый сонм других, согревали и ободряли богомольцев, и разносилась далеко по всей Земле Русской молва о том, что «семя Христова... здесь свято и

нерушимо, что здесь стояние мира христианского ощущается особенно сильно в величии славы прошлого св. древней обители и в обозрении ее современного редкого состояния...»

И в Св. Синоде Соловецкая обитель пользовалась большим авторитетом, не было почти ни одной просьбы о. Иоанникия, в которой бы Синод отказал ему Отец архимандрит вел обширную переписку с другими русскими обителями и среди монашествующих современников считался далеко не заурядной личностью, несмотря на то, что у него было всего лишь неполное среднее образование.

Внешне как будто все предвещало общее благоденствие и умиротворенность для св. обители. Были некоторые тревожные признаки, свидетельствовавшие, что наружное спокойствие и благополучие не есть внутреннее здоровье. Старая, вековая, исконно сатанинская по своему происхождению монастырская болезнь – раздор и неповиновение настоятелю – постепенно стала проявляться. Несмотря на беспрекословное исполнение братией монастыря всех распоряжений настоятеля, ощущалось начало духовной бури то в скрытом недовольстве Духовного Собора, то в открытых соблазнительных разговорах некоторых из старшей братии. Яд был впущен, семя сатанинского делания начало обнаруживать свои плоды.

Все это началось в то время, когда о. Иоанникий, после своей почти 16-летней настоятельской деятельности, как никогда крепко чувствовал свою устойчивость. И тут иногда стала появляться в его распоряжениях тень злоупотребления своей властью за счет мнимого поддержания ее авторитетности в ущерб правде Божией и пользе монастыря. Словно некий туман обвил о. настоятеля, и он начал пребывать в состоянии протрации, самооправдания, излишней самооценки и самоуверенности.

Враг рода человеческого избирает орудием борьбы с властью тех из братии, которые за свои проступки так или иначе потерпели от настоятеля всяческое (по их мнению) поношение или унижение (перевод из кремля в дальний скит и топи). И потряслась до крайности жизнь отца настоятеля, и возмутилось внутреннее тихое монастырское житие неописуемыми и невыразимыми скорбями. В то время мало кто из восставших против него мог предположить невероятную горечь последствий начинающейся смуты.

И более всего недовольство братии стало проявляться с того времени, когда во всех распоряжениях и мероприятиях о. настоятеля появилась навязываемая им непогрешимость и авторитетность.

Считая себя в Духовном Соборе авторитетным и безапелляционным

не только потому, что он являлся, как настоятель св. обители, и председателем его, но и по своему духовному опыту и просвещенности (начитанности), о. Иоанникий сам неоднократно начинал противиться воле Духовного Собора и, вопреки мнению большинства, настаивал на своем, не стал снисходить к противоречиям, прислушиваться к мнениям и предостережениям, но уже все делал по своему рассуждению. Таким образом, Духовный Собор должен был стать послушным орудием в его руках, но он таковым быть не мог. И вот две могучие силы начинают сталкиваться между собою, нарушая мир и потрясая основы монастырского жития в соблазн и горе младшей братии.

Члены Духовного Собора, видя проявляемую о. настоятелем настойчивость в проведении им противных воле Собора мероприятий и пожеланий, стали огорчаться, и негодовать, и, уже не скрывая, открыто выражать свое возмущение в частных келейных суждениях.

Началась черная смута. К тому же и о. Иоанникий иногда стал явно проявлять оплошности и несомненные ошибки. Теряя всяческую поддержку Духовного Собора в исполнении своих предначертаний, он не стал более, как раньше, доверяться окружающим. Все это вынудило его преобременить себя всесторонними заботами о хозяйстве, которое не должно было пострадать от начавшегося нестроения. Это повлекло за собою сперва одиночное, а затем все более и более повторяемое манкирование Богослужениями. Все чаще и чаще братия стали замечать пустующее настоятельское место. Участились его отлучки по скитам и подворьям. И иногда на прямые вопросы некоторых из братии о причине его отсутствия за Богослужениями, что открыто начинало подрывать храмовую дисциплину, о. Иоанникий ссылался то на многочисленные хозяйственные заботы, то на свое нездоровье, то на какие-либо другие причины. Не только храм Божий стал им реже посещаться, что приводило к постепенному угасанию духовной ревности и отсутствию должного внимания к своей душе, но и трапеза уже сиротствовала без своего наставника и руководителя. Бывшие еще не так давно ежедневные трапезования со всей братией постепенно заменились лишь посещениями их по праздникам и в дни его служений. В остальное время он пользовался отдельным столом, который стали ему готовить в настоятельских покоях. Постепенно, глядя на эти разрушения древних обычаев и заветов преподобного Зосимы, сперва старшая, а за нею и остальная братия стали ходить на трапезу все реже и реже, а приходили на кухню сами или посылали служку, или певчих, или кого-либо из ближних своих за обедом и ужином, которые дома и вкушали.

Когда же о. Иоанникий, неожиданно появляясь то в храме, то в трапезе, замечал все эти упущения и нарушения, чреватые тяжелыми последствиями – разложением монашеской жизни (чего он не мог не видеть и не понимать), и делал виновным в сих нарушениях выговоры, а иногда налагал и взыскания, то негодованию на него не было предела. Не желая терпеть таких наказаний и обид (по мнению виновных, незаслуженных), они прямо в лицо, открыто порицали его самого как первого нарушителя, еще недавно ревностно исполняющего монастырские установления о посещении Богослужений и трапезы. Тем самым создавался великий соблазн и возникала горечь от ощущения невозможности найти общие пути для обоюдного примирения. Сердца взаимно ожесточились.

Со временем язва сия разрасталась и недовольство братии управлением и поведением о. настоятеля увеличивалось, в среде братии стали обнаруживаться дерзкие нарушители монастырского порядка. Таковые бывали о. Иоанникийем удаляемы из монастыря в скиты и дальние топи, но это не помогало, ибо и там, на новом месте, они более и более озлоблялись. Среди них были такие, которые старались и оттуда как можно сильнее огорчить о. настоятеля, досадить и нагрубить ему. А собратий на местах они старались склонять к своему образу мышления и всячески их убеждали, что самый вредный человек в монастыре – это о. настоятель, что все его дела служат ныне к посрамлению, разорению и умалению св. обители, что он стремится только к своему собственному прославлению и похвале в глазах высшего духовного и гражданского начальства с тем, чтобы заслужить себе новые высшие награды, хотя к этому времени у него их имелось уже более десяти.

В этот период скрытой, еще домашней смуты при посещении и обозрении св. обители высочайшими и другими высокопоставленными особами о. Иоанникий везде указывал, как с Божией помощью ему удалось придать монастырю надлежащий и образцовый вид. Но о. настоятелю еще неизвестно было, что в среде братии многие уже готовили ему скорбный крест.

Осенью 1913 года, получив разрешение Св. Синода, о. Иоанникий отбыл на Кавказ для лечения. Пока он отсутствовал, недовольные его управлением члены Духовного Собора: казначей, иеромонах о. Анатолий, и ризничий, иеромонах о. Аверкий, – склонив на свою сторону престарелого иеромонаха о. Ефрема, решили написать донесение в Св. Синод с просьбою удалить из монастыря о. настоятеля Иоанникия, как вредного ее управителя. Вся деятельность о. Иоанникия за последние годы

была представлена в сем донесении вредной, безрассудной и ненужной для св. обители, а служащей только для его прихоти и возвышения в глазах начальства. Они убедили подписать донос еще 10-х иеромонахов, 4-х иеродиаконов и нескольких монахов.

Отец Иоанникий побывал в отпуске, а на обратном пути посетил Св. Синод. Там ему и вручили только что полученное на него донесение с предъявленными обвинениями, попросив его уладить это дело по домашнему – «своим распоряжением».

По возвращении в св. обитель о. Иоанникий за молебном у св. мощей сказал всей собравшейся братии слово о мире и любви в предстоящей жизни, причем указал, что если до сего дня и были какие-либо недоумения, недоразумения или соблазны, то он, настоятель, все всем от души прощает.

Все стояли настороже, и мало у кого был на душе покой. Вся братия знали о посланном доносе, но не предполагали, чем закончится дело. Недовольные, так называемые доносчики, ждали приезда Синодальной комиссии, но не дождались. Вместо нее приехал обратно о. Иоанникий и, по-видимому, с прежним к себе доверием со стороны высшей церковной власти. Но и положение о. Иоанникия стало отныне тяжелым, так как в лице своих ближайших помощников: наместника, казначея и ризничего – отныне он имел непримиримых врагов.

Вся братия в значительной массе, конечно, не были посвящены в подробности и причины вражды и борьбы «подписчиков» с настоятелем и не хотели всего этого знать. Большинство их не было лично увлечено этими интригами, так как в монастыре они были одеты, обуты, всем обеспечены, трапеза и Богослужение давали, поддерживали и развивали телесные и душевные силы. Посему всякий, кто не был заинтересован в своем возвышении за счет скорби ближнего, а более думал о своем собственном душевном спасении, искренно сокрушался о всех этих нестроениях, от всего сердца радовался словам мира, любви и единения, прозвучавшим в устах их настоятеля.

Но зато резко обозначилось воинственное настроение в среде тех священнослужителей и монашествующих, которые, восстав против своего настоятеля, уже давали друг другу посулы на возвышение, повышение и перемещение. Все стремившиеся к первенству, даже и не из числа «подписчиков», и все недовольные о. Иоанникием, так называемые обиженные, сплотились около отцов Аверкия и Анатолия, открыто заявивших, что они не отступят от задуманного дела, не успокоятся, пока не удалят о. настоятеля от управления.

Тогда настал черед действовать о. Иоанникию, в первую очередь уже в силу того, что его уполномочила высшая церковная власть, предложившая домашними средствами умиротворить и затушить начавшийся пожар, а с другой стороны, по той причине, что промедление в мерах пресечения грозило отныне всей обители еще более тягчайшими последствиями. Враг ликовал, злоба, ссора, раздоры росли и углублялись, никто не хотел идти на уступки.

В первую очередь о. настоятель стал отстранять от занимаемых должностей своих самых непримиримых врагов, а на их место назначал преданных ему, хотя и сравнительно молодых монашествующих. В скором времени все главные зачинщики и взбунтовавшиеся «подписчики» были разосланы по разным скитам под строгий надзор проживающих в них отцов. Но и удаленные, несмотря на негласный надзор за ними и донесения о. настоятелю об их поведении, они продолжали на местах свое дело, не желая подчиниться о. настоятелю и всецело быть под его ответственностью, отсекая свою волю, пагубную в данном деле, не желая взять на себя терпение скорбей и несение собственного креста. Но, распаленные сатаной, они продолжали проявлять свою волю в новых кознях и доносах, на составление и подписи которых убеждали скитскую братию.

Все посылаемые в Св. Синод доносы возвращались о. настоятелю для сведения и принятия соответствующих мер. Это повлекло принятие о. настоятелем новых, более строгих способов пресечения по отношению к доносчикам и «подписчикам», вплоть до временной их изоляции. Но все это еще более ожесточало и озлобляло виновников начавшегося открытого неподчинения о. настоятелю. Между тем доносы не прекращались и бунтовщики все настойчивее просили в них избрания им нового настоятеля.

Вся же остальная братия, видя непрекращающуюся смуту и ее вредное влияние на молодых послушников и трудников, как неокрепших в монашеской жизни и более подверженных соблазну и шатанию умов, постепенно стали в мыслях и суждениях склоняться к тому, что, действительно, если о. настоятель сам отойдет от управления, то этим даст возможность всему монастырю хотя бы внешне умиротвориться. Все скиты, топи, сам кремль и все вокруг него ныло, стонало от этой великой скорбной смуты – разложения монашеского единства, что подрывало настоятельский авторитет чрез открытое неподчинение ему.

Наступил смутный, горестный 1917 год. Пользуясь общебратским нестроением, «подписчики» стали склонять многих из старшей братии,

бывшей до сего времени в стороне от этой смуты, уже не на подпись на донесении, а на написание заявления Св. Синоду об удалении о. настоятеля от должности ради общего мира. Последние, большею частью даже не читая сего заявления-доноса, подписывали его. Таким образом они набрали до 70 подписей и избрали трех ходоков в уже новый Св. Синод.

Дело было весной, после небезызвестного Соловецкому монастырю февральского переворота и таких же потрясений в составе Св. Синода. Выбор пал на ризничего иеромонаха Аверкия, иеромонаха Викторина и уставщика монаха Викентия. Депутация прибыла в Петроград в разгар борьбы Временного правительства одновременно на двух фронтах: с большевиками – на внутреннем и с неудачами – на внешнем. Обер-прокурор Св. Синода Н. Львов обещал депутации всяческое содействие. У о. Иоанникия среди членов нового Св. Синода не нашлось сторонников, да и сам Синод, в случае неуважения просьбы братии по данному письменному донесению, боялся широкой огласки соловецкой смуты в столичной печати, и своим указом от 4 августа 1917 года он уволил о. Иоанникия на покой. Причем в этом Указе ему было оговорено право пожизненно пользоваться бесплатным помещением и столом и получать ежегодно пенсию из средств монастыря в размере 2000 рублей. Братии монастыря было разрешено избрать себе нового настоятеля. Для наблюдения за выборами был командирован Преосвященный епископ Углицкий Иосиф (из Ростовской епархии).

Между тем вскоре после отъезда ходоков в Синод сам о. Иоанникий выехал в Москву на предстоящий там монашеский съезд. А по его окончании он около месяца проживал в Новоиерусалимском Воскресенском монастыре в ожидании предстоящего Всероссийского Церковного Собора, в котором он должен был участвовать как выборный член от монашествующих.

Вот здесь-то совершенно случайно о. Иоанникий увидел в газете извещение об увольнении его от должности настоятеля Соловецкого монастыря. Прочитав это неожиданное известие, он только перекрестился и сказал: «Слава Богу за все, – и немного погодя, тяжело вздохнув, со слезами на глазах, тихо закончил: – Мне своих дел не стыдно». И тут же стал молиться. Отныне не было больше настоятеля о. Иоанникия, а остался только о. архимандрит Иоанникий, призываемый на новое служение – спасение своей собственной души.

III

Для о. Иоанникия начался новый период жизни – самоукорения, самоуглубления, самоусовершенствования. Уже в ветхом возрасте застало

его сие новое делание, но не возропала и не смутилась его скорбная душа. В ней произошел нравственный перелом. Краткое, но великое в своей мистической сути известие об удалении на закате дней от управления любимым им Соловецким монастырем быстро перенесло его воспоминаниями к первым дням поступления в святую обитель. И душа его, еще вчера бывшая уставшей и скорбной, вновь стала юной и радостной, готовой понести последний подвиг, бережно закончить свое крестное шествие для восприятия вечной жизни, для непрерывного славословия тех, кто соучаствовал с ним и кто вдохновлял его более 50-ти лет на служение святой обители.

Став отныне свободным от всех дел, обязанностей и званий, он не остался более в Москве, а поспешил в свой любимый Соловецкий монастырь, но уже не как хозяин его, не как власть имущий, а как богомолец, гость, что было не в радость тем из братии, которых не совсем удовлетворяло такое сравнительно почетное отхождение ненавистного им настоятеля.

По прибытии в монастырь о. Иоанникий занял помещение бывшего ризничего (одного из первых зачинщиков смуты против него). Помещение было близ настоятельских покоев. Когда же был избран новый настоятель – о. Вениамин, бывший духовник, то о. Иоанникий предъявил ему Указ Синодальной конторы о назначении ему ежегодной пенсии в размере 2000 руб. и просил выдачи ему денежного довольствия в счет полагающейся за истекшее время суммы. Но новый настоятель не решился выдать ему эти деньги без общего согласия братии, так как «подписчики» стали требовать удаления его в один из скитов и запрещали производить выплату ему каких-либо пособий. Так горькая судьба, как палка о двух концах, и здесь насмеялась над ним. Он, еще недавно сам удалявший недовольных в скиты, был под угрозой своей высылки в один из них. Он, еще не так давно распоряжавшийся в течение 22-х лет настоятельства не одним миллионом наличных денег, ныне был лишен возможности получить на удовлетворение своих нужд (лечение и др.) даже несколько сотен рублей, притом от той самой обители, доходы которой он преумножил за время своих забот о ней. Но отныне нужно было до конца нести этот душеспасительный крест.

Одно только смущало братию – все надежды на затишье смуты рушились, так как «подписчики» стали вести себя дерзко и с новым настоятелем, почти единогласно избранным всей старшей братией (из 80-ти голосов он получил 70), и открыто угрожали ему, не считаясь с его желаниями.

Все это заставило о. Иоанникия сделать запрос о своих дальнейших действиях по поводу выдачи ему назначенной пенсии. Св. Синод не замедлил с ответом, причем вторично подтвердил свое указание о беспрекословной выдаче о. Иоанникию пенсии, положенной за его многолетнюю деятельность, высокополезную для святой Соловецкой обители. «Подписчики» на этот раз не осмелились восстать на Св. Синод, и о. Иоанникию была выдана пенсия уже без препятствий и каких-либо угроз.

Октябрьская революция и перемена государственной власти наложили и на соловецкую братию особый отпечаток своеволия. Результатом одного из первых проявлений братского самоволия было насильственное удаление о. Иоанникия в Савватиевский скит. Здесь ему отвели келлию в 2 комнаты в нижнем этаже деревянного корпуса. Свершилось над ним изгнание, какое он сотворял другим, и горькие и грозные слова Спасителя: «Каким судом судите, таким будете судимы» (Мф 1. 2) – воочию воплотились на нем и горечью и слезами утучняли его уже короткий и скорбный путь.

Часть братии в монастыре, некогда благоговевшей перед ним и по-прежнему любившей его, ныне, видя его таковое вынужденное отсутствие, сильно грустили, скорбели и открыто высказывали свои чувства торжествовавшим «подписчикам», которые и бедного о. Вениамина связали по рукам... Так пророчески сбылись слова блаженного старца о. Зосимы.

Кличка «подписчики» в устах всей братии иногда заменялась словом «клеветники», ибо много лжи и клеветы они возводили на о. Иоанникия в течение последних лет. Но по всему чувствовалось, что в лице отшедшего на покой настоятеля братия воистину потеряли своего самого верного стража, мудрого, опытного и твердого кормчего и руководителя. Неудачи стали преследовать многие монастырские начинания, словно на них не было уже Божия благословения... Ангел мира, Ангел – страж Соловецкой обители, видимо, покинул ее, и это страшило благоговейных и приводило их в ужас при мысли о будущей судьбе монастыря, так как все чувствовали, что Господь еще не явил Своего Суда в этом нечестивом деле, что торжество «подписчиков» временное.

Особенно тяжким в сознании благоразумной части братии было то, что именно о. Иоанникий в свое время принял в св. обитель большую часть восставших (или они поступали при его посредничестве и ходатайстве), почти всех их постриг в монахи и многих из них в свое время представил к священным степеням. И вот, дети, подобно Хаму, восстали на своего отца,

продолжали издеваться над ним и травить его, ибо отцом себе они уже избрали денницу, самого сатану, «вершителя ада и клятв держателя». Слепленные, с криками и воплями о мнимой правде и поисках ее, они продолжали творить бесовское делание разделения братии.

Вскоре после изгнания о. Иоанникия, несмотря на предупреждение прп. Зосимой монаха Гурия (в видении) о грядущем возмездии за братскую смуту в том случае, если она не прекратится, в ночь с 7 на 8 декабря 1917 года в бучильном корпусе вспыхнул пожар, который быстро перекинулся на другие строения, угрожая всему монастырю. Чудесно спасенный от гибели Соловецкий монастырь получил первое предупреждение... «Что посеешь, то и пожнешь», – сказал митрополит Филипп соловецкому игумену Паисию, оклеветавшему его перед царем Иоанном и судом. И скоро получил о. Паисий свое, в полноте и мере.

Отец Вениамин после постигшего обитель пожара неоднократно высказывал братии, что сие несчастье Бог попустил на обитель за тяжкие братские грехи и смуту против прежнего настоятеля, причем как бы пророчески предрекая и о себе: «Все ли мы хороши сами? Отца Иоанникия не считали ли первым человеком, и его же загрязнили, и заплевали, и заушали. Ныне я кажусь многим из братии хорошим, но боюсь, что придет, и скоро, время, когда и я буду казаться тоже худым и ненужным и против меня также начнут вести козни и смуты». Говоря сие, о. Вениамин призывал всех усердно к миру, любви, примирению и к забвению всего прошлого и скорбного. «Отныне никаких обвинений против о. Иоанникия я принимать не буду», – твердо сказал о. Вениамин.

Из собравшейся во время этой беседы братии тотчас выступил иеродиакон Вячеслав и стал жестоко поносить о. Иоанникия, вновь обвиняя его в разных преступлениях. Но братия, даже не дослушав его до конца, с бесчестьем вытолкали его из помещения. Всех охватило чувство покаяния из-за несправедливого гонения на своего старого настоятеля. Одни осознали греховность своих помыслов на его осуждении и слушание безумных голосов клеветы, другие – греховность того, что они сами, выступая, в той или иной мере содействовали низвержению своего начальника.

Вскоре после этого и новый настоятель о. Вениамин тоже стал нетерпимым для той части братии, которая продолжала неистовство и духовную борьбу с ним, а через него – с о. Иоанникием. Они начали неотступно требовать исполнения их воли: смещения с занимаемых мест всех должностных монастырских лиц, как ставленников ненавистного им о. Иоанникия, и назначения на эти посты своих сторонников. Выданные

уже давно посулы неоднократно вызывали недовольство друг другом и в их среде. Но о. Вениамин твердо отвечал им, что он отказывается исполнять эти незаконные требования, и держал он себя непоколебимо, уверенно, независимо и в отношении всех других требований, продолжая тем временем одобрять и завершать дела, начатые о. Иоанникием в хозяйственной жизни монастыря. Этим он навлек на себя те же грозные поношения от бунтовщиков, как в свое время и о. Иоанникий. И до последних своих сил он нес сей крест.

Но вот все угрозы отошли в сторону, когда весной 1920 года Соловецкий монастырь (кремль, хозяйственные постройки, скиты) был занят сельхозом и лагерем политических заключенных.

«Подписчики», братия приуныли – теперь им было не до борьбы. Между тем о. Иоанникий пребывал в скиту среди не близких ему по сердцу людей, и, будучи на склоне дней своих, он стал постепенно слабеть и чувствовать приближение конца. Неоднократно проливал он обильные слезы о своих ошибках, падениях, злключениях, памятованиях злых дел братии, и чувство горького раскаяния все более и более охватывало его. Всею этому способствовало надвигающееся на монастырь новое бедствие – грядущее полное пленение его советскими учреждениями. Было беспокойно и в Савватиевском скиту. Чего еще более печального и скорбного мог ожидать он, находясь здесь, в тишине, среди красот окружающей его природы?!

Постепенно до братии стали доходить слухи о возможной скорой кончине о. архимандрита Иоанникия. И что-то зашевелилось, заволновалось в их душах. Совесть начала обличать великих и малых смутьянов, хотя и не все, но многие из тех, кто оскорблял, поносил, не слушался, кто огорчал, доводил до гнева и тем или другим образом когда-либо досаждал своему бывшему настоятелю, – многие из таких потянулись на прощенное богомолье в Савватиевский скит – туда, откуда зачинался монастырь, откуда восходила некогда звезда Соловецкая, ныне тусклая, издающая смрад от скверных дел людских.

Приходили к о. Иоанникию и, подходя к нему под благословение, почти не узнавали своего бывшего настоятеля. Это был уже не тот прежний строгий и грозный настоятель, твердо державший в руках посох, некогда тучный, грузный мужчина с громким и резким голосом и властным покоряющим взглядом, не терпевший противоречий и всяких «но». Перед ними стоял согбенный старец, настоящий смиренный старец, во всей велелепоте своих седин и прожитых лет, изможденный от покаянных слез, вздохов и молитв. Братия не узнавали в нем своего отца и

пастыря: истончилась плоть, обновился дух, смирился взгляд, сделавшись кротким, любвеобильным, всепрощающим. Так хотелось подойти поближе и облобызать его в его смиренной ныне худобе и долго-долго стоять, прижавшись, рядом.

Время делало свое дело. Господь, «пришедый в мир грешныя спасти», скорбным крестным путем вел Своего верного раба (ибо Ему-то он никогда не изменял), некогда и заблудившегося, но ныне постом и молитвою себя смирившего и приготовившего к отшествию в вечный покой. Все его ошибки и преступления (по мнению «подписчиков») исчезали при виде новой его сущности. И как раньше, он поражал многих своим настоятельским величием, так ныне поражал всех окружающих глубиной своего смирения. Никто не знал фю келейных правил последнего времени, но большинству из братии удалось почти осязать труд и достижения молитвенного делания о. Иоанникия.

И ожесточил Господь сердце фараона (Исх 10. 27). Так повествовал пророк Моисей о нестроении, бывшем пред изгнанием еврейского народа из Египта. Но, как известно, ожесточение это пошло еврейскому народу во благо и привело его к окончательному освобождению. Некогда Господним попусшением ожесточались сердца многих из соловецкой братии. И они стремились сделать ложное благо монастырю, в недопустимой форме восставая против отца настоятеля. Изгнали его, поносили, заушали, осквернили его память – так казалось, по крайней мере, многим... Но что же?

Все сие пошло ему, поношенному и оклеветанному, во благо, ибо во благовремени смягчилось его сердце, как некогда смягчилось сердце фараона после 10-ти казней египетских. И отпустил тогда фараон из земли египетской израильский народ. Также и о. Иоанникий, по умягчении своего сердца, отпустил от себя всю злобу сатанинскую, всю горечь осуждения, всю скверну жестокосердия и многое другое, что старалось свить себе гнездо в его несовершенном сердце. И, освободившись от древней, вековой злобы и всем простив все и вся, он каждого приходившего к нему проститься принимал воистину с братской любовью, и все бывшие тогда у него ощущали в нем присутствие особого мира и благодати. И тихо текла его келейная молитва в присутствии прощающихся, все ощущали ее сладость и теплоту.

Так прошло еще немного времени. 6 июня 1921 года, напутствуемый, соборованный, примиренный со всем христианским миром, простивший всем и все (о чем неоднократно заявлял открыто всем окружающим), о. Иоанникий, в возрасте 71-го года, блаженно, тихо, почти безболезненно

отошел ко Господу, пробыв на покое три года, а всего прожив в св. обители 54 года.

И исполнились на нем не раз говоренные им самим слова о современных ему соловецких подвижниках и блаженных: «Вид-то их благочестив и молчалив. А каков конец-то у самих будет?».

Конец его блаженной жизни показал нам, что не напрасны были братские молитвы о нем и что Господь не вменил ему во грех «вся бывшая незаконная и непотребная по времени и месту», все предал забвению.

<Пропуск страницы в тексте оригинала>

... [Позвал брата] <вставка для удобства чтения>, до последнего времени с горечью вспоминающего своего бывшего настоятеля, и объявил ему для сведения братии, что он видел в райских обителях о. Иоанникия, которому вменены все скорби, и утеснения, и гонения, и поношения во спасение его души.

22-летний подвиг несения настоятельства не дал о. Иоанникию достичь намеченных при жизни результатов, отчасти по причине четырехлетней смуты, терзавшей монастырь в последние годы его настоятельства (1913–1917). Но и «подписчики» также не достигли своего – Господь простер и над ними Свой праведный суд. Всем нам да послужит это примером, предостерегающим от ошибок, допущенных с обеих сторон.

Такова жизнь о. Иоанникия. И пожалуй, главное в ней – пример безропотного предания себя воле Божией. Когда «вся земная его совершилася», он отошел на делание «богатеть в Господа». И на сем крестном пути он сделал все возможное при своих уже слабых телесных силах, подорванных многолетними нравственными потрясениями.

Ныне же верим, что о. Ионникий вместе с преподобными отцами соловецкими и Богоугодившими старцами, и пустынниками, и иными ведомыми и безвестными соловецкими подвижниками предстательствует за горячо любимую им святую обитель Соловецкую и молит Всевышнего, да мимоидет ее гнев Божий, да минет ее новая чаша страданий.

Праведники и подвижники благочестия в Соловецкой обители в период настоятельства о. Иоанникия

Как ни странно, но приходится признать и указать на одно интересное явление: изводившая монастырь четырехлетняя смута несколько не повлияла на дух подвижничества в истинных рабах Божиих и верных Его слугах.

Отец Иоанникий в течение почти целой четверти века своего настоятельства составил цельный и определенный взгляд на многие явления, положения и основания как соловецкой монастырской, так и

монашеской жизни вообще. Подобно архимандриту Мелетию, он неуклонно и строго стоял на страже исполнения монашеских обетов и на поддержании нравственности среди насельников св. обители. От его зоркого взгляда не ускользала ни одна сторона жизни соловчан. Также он немало потрудился над укреплением монашеского духа в братии. И малейшее нарушение и грубо проявленное ослушание, да еще с Божиим прещением, сразу обнаруживало его взгляды на всех этих скорбных умом невольных и вольных самоубийц, на рядовых работников с разных общих послушаний.

Что же касается тех из братии, кои свою прожитую в праведной вере жизнь отдавали на суд Божий, будучи уже здесь, на земле, небожителями, то о них с благословения отца настоятеля вообще лишних разговоров не велось.

Сам же о. Иоанникий неоднократно отзывался о них так: «Вид-то их благочестив и молчалив, а каков конец-то у самих будет?» И чрез это братия боялись при нем и между собою разговаривать на эти темы. А насколько опасались, явствует из рассказа одного поступившего в Соловецкую обитель в 1901 году немолодого монаха, сказывавшего, что ему говорили старые священнослужители, что «знают» старцев соловецких, но имена их открыть не могут, о чем и допытываться напрасно. Сии мужи были настолько прозорливы, что все вперед сказывали, словно читали по писаному. И прошлую жизнь вопрошавших открывали, словно и тогда были рядом с ними, никогда их не покидали.

Да, таковы были старцы еще в недавнее время, имена же их Ты, Господи, веши...

Жило и в то время много неведомых и великих подвижников – некоторые из них, по мнению о. Иоанникия, исчезали из среды монастырского братства и уходили в пустынь, в глубь Соловецких островов. Были и такие трудники и послушники, что сами напрашивались у о. настоятеля на увольнение, получали паспорта, а затем с материка снова возвращались на Соловки на частных лойбах или малых карбасах, но не с тем, чтобы вновь поступить в св. обитель, а чтобы, высадившись в уже изученных ими потайных и глухих заливах и губах извилистого острова, удалиться в глухие соловецкие леса и там, «пустынею укрепляша себя», подвизаться о Господе – в одном из самых тяжелых подвигов.

Отец Иоанникий знал об этом, при нем, несомненно, доживали еще эти неведомые старцы, хотя, быть может, новые пустынножители уже не встречались.

К сожалению, монастырский архив полностью сгорел в мае 1923 года

и не осталось никаких материалов для разыскания неведомых пустынножителей, умерших в неизвестности в дремучих лесах (углах) и дебрях извилистого Соловецкого острова.

Суровое управление монастырем о. Мелетием в течение 12-и лет и единовластное, длительное управление о. Иоанникием в течение 22-х лет составили в истории Соловецкого монастыря целую эпоху. Трехлетнее кроткое и молитвенное управление о. Варлаама лишь ненадолго позволило монастырскому строю вздохнуть от введенных строгостей и уставоположений.

«А каков конец у самих-то будет?» – вот историческая фраза, неоднократно повторенная о. Иоанникием на вопрошания относительно того, как быть братии в отношении тех, кто, несомненно, отличался особым благочестием.

Будучи многими из братии поношаем за излишние строгости и неумолимость, о. Иоанний Промыслом Божиим и к себе приложил сии свои слова. Став из опытного и выдающегося администратора-настоятеля рядовым архимандритом на покое, он последние три года жизни провел в таком смиренном несении своего креста, так изменился к лучшему, умягчился, стал добрым, кротким, любвеобильным к ближним, что своею тихою и блаженною кончиною воистину оправдал им же сказанные слова. А получив добрый конец жития своего, оправдал начало своей подвижнической монашеской жизни и искупил середину ее – период настоятельства, когда излишняя ревность к правилам и уставам сделала его жестоковыйным и охладила сердце его.

И только этим несколько отстраненным отношением к современным и предшествовавшим ему праведникам и подвижникам благочестия, совершавшим свой подвиг уже после составления Соловецкого патерика, составленного в XVII веке, изданного в Санкт-Петербурге в 1873 г., и можно объяснить те обстоятельства:

– что в последующих изданиях Соловецкого патерика содержание его несколько не пополнилось сведениями о новых, недавно умерших праведниках и подвижниках, достойных летописного сказания;

– что в последние 30–40 лет на крестах совершенно отсутствуют надгробные надписи лирического характера, которые благодарные почитатели посвящали соловецким праведникам и подвижникам за их святую и благочестивую жизнь. (А ведь именно по этим эпитафиям и удалось нам восстановить память о соловецких подвижниках за период 1821–1871 годов.)

И так как все благоустраивается волею Божиею и Божественным

попущением, не будем и мы ничем укорять ни о. Мелетия, ни о. Иоанникия, за их, может быть, небрежное отношение к памяти местных, недавних праведников и подвижников благочестия. Но со смирением и мольбою обратимся к преподобным хозяевам святой обители, да умудрят они нас на сие новое летописное делание, да подадут нужные силы и молитвенность в составлении житийных сказаний о тех, на коих утверждается Церковь Православная и кои, как стояние мира христианского, животворят мир духовный и открывают небеса для их подражателей.

Трудники в последние 40–50 лет существования монастыря

Отец Иоанникий удивительно быстро умел подходить к новому человеку и сразу всецело располагать его к себе. Обладая изумительной памятью на лица, он быстро ориентировался в той массе братии и трудников, превышавшей полторы тысячи человек, которая, будучи вверена ему Господом на ведение по пути спасения, всегда ждала от него правого, справедливого, успокоительного решения (правда, не всегда его получая).

Ежегодно число трудников колебалось от 500 до 700 человек разного возраста, начиная чуть ли не с 12-летних мальчиков и до седовласых отцов семейств. Присмотреться ко всем и безошибочно наметить того или другого на оставление в обители по истечении срока трудничества – вещь нелегкая. Помощь настоятелю оказывали так называемые монастырские старцы, из монашествующих, под присмотр коих сдавались сии рабы Господни. Жили они в келлиях по 3–5 человек в каждой. Наблюдение за ними было сначала общее, а затем, когда те втягивались в работу, – по мастерствам и специальностям. Старцы следили за степенью добросовестного исполнения послушания, а главным образом, за молитвенным настроением послушников.

Трудник, продолжавший незаконченную работу с ударом колокола к вечерне; трудник, не пришедший к полунощнице только потому, что с вечера поздно лег спать, проболтав со своими товарищами; трудник, неревнующий об истовой келейной молитве, хотя бы и исполнительный и усердный во всем остальном, – такой никогда не удерживался на новый срок, если даже и заявлял о сем своем желании отцу настоятелю. Монастырь искал трудников и работников, настроенных молитвенно, а не просто имеющих практическую смекалку, но не могущих согреть души и благотворно повлиять на окружающих из братии – в смысле подражания подвигу (хотя бы негласному) и выработке в себе духовной настроенности вообще. Наконец, иначе и нельзя было поступать, так как ежегодно в

период навигации наблюдался все новый и новый приток трудников.

Из жития последнего иеросхимонаха Зосимы усматривается как раз его молитвенность в первые годы жизни в монастыре. А она-то и послужила причиной быстрого выдвижения его в церковные служители при Соборе, а в дальнейшем и получения священства и послушания гробового монаха у мощей святых угодников.

Отец Иоанникий подробно присматривался к жизни трудников, стараясь найти среди них молодежь, отмеченную чем-либо особым, трудников тихих, послушливых, с тайною молитвой, которую он познавал в них своим внутренним чутьем. Впоследствии подсознание так руководило им, что он внутренне знал, кто из братии откуда и зачем пришел, о чем задумывал просить, причем тут же давал на все быстрые удовлетворительные ответы.

Годы войны, а затем и великая смута отвлекли приток трудников от монастыря, который вынужден был теперь довольствоваться наличным запасом монастырских сил, дабы и последних из них не потерять здесь, на местах, ныне так богомерзко оскверняемых.

Слово настоятеля Соловецкой обители архимандрита Иоанникия к трудникам-столярам

(25 января – день празднования иконы «Утоли моя печали»)

Дар любви и благословения настоятеля Соловецкого монастыря благочестивым и Боголюбивым трудникам, в смирении и терпении, усердно и безленостно здесь труждающимся в службе древодельней.

Подвизайтесь и труждайтесь, блаженнии трудницы, с душевным усердием и без роптания в вашем святом делании, поелику Сама Препоблагословенная Царица неба и земли, Святейшая небесных Херувимов и Серафимов и бывшая в земной жизни обручницею древодела, с любовью и благосердием назирает и благословляет смиренное ваше делание.

Пред сим образом честным молитесь Матери Божией – милостивой Помощнице всех труждающихся, и прежде вас трудившиеся в вашей службе пользовались Ея щедротами и милостями по мере своей веры и усердия. Также и вы на всякий день взаутрии, приходя к своему послушанию, прежде всего повергайтесь пред сим образом в благоговейной молитве к Матери Божией, да поможет вам в сей день потрудиться во уреченной вам службе без греха, непреткновенно и без напасти, без скорби и уныния, со благодарением и радостью. Подобным образом и в вечер, по окончании делания, со умилением и благодарением паки припадайте ко Всемилоливой вашей Помощнице, сподобившей нас до кончины дня пребыти в деле и делании во славу Божию, во благо обители

и во спасение душам вашим.

Радуйся, Радосте наша, избави нас от всякаго зла и утоли наша печали (Припев акафиста Божией Матери пред иконой Ея «Утоли моя печали»).

Господи, Иисусе Христе, Единородный Сыне Божий, благоволивый родиться на земли от Пресвятыя Девы, обрученной смиренному и бедному древоделю, наименованный от сынов человеческих тектоном и тектоновым сыном и изволивый в земной жизни вспомоществовати мнимому Твоему Отцу Иосифу древоделю в смиренном труде древоделения, от высоты славы Твоя не престай призираи выну на труждающихся zde в службе древодельней, и за труды земные и маловременные угодови им в Небесном Царствии венцы и воздаяния вечные и Боголепные.

Схимонах Азарий (Монах Герасим) († 22 июня 1914)

В записи синодика о. Флавиана значится творцом Иисусовой молитвы. Был старец великой духовной жизни. Блаженно почил о Господе 83-х лет от роду, скончался в келлии при закрытых дверях. Был келарием схииноческой столовой, всего прожив и потрудясь в монастыре 45 лет (у о. Игнатия значится за № 10). Он подвизался в св. обители бучейщиком одновременно со схимонахом Ананией, долгое время был на послушании синодичного в Благовещенской церкви. Последние годы, вскоре по пострижении в схиму, был отдан на духовное окормление духовному и гробовому иеромонаху Алексию. Был малограмотный.

Телесную мощь и силу сохранил до глубокой старости. Почти до последних лет своей жизни сам колот дрова. Бывало, братия возвращаются с утрени из собора и спрашивают его:

– Отец Азарий, брось работать. Пойдем чай пить.

А он отвечает:

– Да я уже чаю напился.

– Как?! Схимник ты, а уже напился чаю – так рано?!

– А я уже в ¹⁸52 году как чаю напился, а после того и не хочу пить.

А сам так смиренно поглядит на любопытствующих из братии.

Схимонах Анания

Проходил долгое время послушание бучейщика, а затем и заведующего бучильным корпусом. В святой обители на разных послушаниях прожил около 40 лет, а всей его жизни в монастыре было более 52-х лет. Скончался тихо в глубокой старости, почти 83-летним старцем (у о. Игнатия значится под № 9).

Окружающая братия считали его человеком высокой духовной жизни и, несмотря на малограмотность, просвещенным в ее тайнах, изведавшим и испытавшим многое на себе. Он служил живым примером всегдашней уравновешенности, безропотности, терпения болезней. Был безмерно нестяжательным.

Один из братии, больничный служитель, говорил о нем следующее:

«Однажды я был вызван к о. Анании осмотреть его больную ногу. Войдя в келлию, нашел его сидящим за работой. Он щипал пеньку, хотя ему тогда было от роду уже около 82-х лет.

Обстановка келлии была чрезвычайно убогой: в углу стол, небольшой шкаф с церковными одеждами и монашескими принадлежностями да посредине ее – маленький столик, на котором лежало кое-что из предметов для рукоделия. В другом углу висел простой рукомойник. Более ничего не было в келлии, даже отварной воды для питья – и той вовсе не оказалось, когда она потребовалась для перевязки и примочки больной ноги о. Анании. Среди братии было известно, что все, что ни получал о. Анания, он тотчас раздавал, почти ничего себе не оставляя.

При осмотре ноги обнаружилось, что на ней, от колена до стопы, не оказалось кожи, которая, сойдя, обнажила голое мясо. И, как выяснилось, такую боль старец терпел немалое время, нисколько не облегчая своих телесных страданий.

Мне стало не по себе, я даже пал духом, решив, что с перевязкой ноги придется возиться очень долго. Наложив повязку, я обещал о. Анании зайти завтра и переменить ее. На другой день стучусь в дверь больного старца, а он отвечает из келлии: “Ладно, что лечить-то, уже и не вылечишь”.

Тем лечение больной ноги и закончилось. Несомненно, он прочел и почувствовал в моей душе малодушие и все мои нехорошие мысли и решил не лечиться, предав себя воле Божией, коя продолжила его жизнь после сего еще на некое время».

Нестяжательность и полное безразличие к окружающей обстановке, а

также строгое соблюдение заветов преподобного Зосимы, основателя монастыря, – ничего снедного не иметь и не вкушать в келлии своей, – вот что украшало его жизнь. Он довольствовался исключительно общей братской трапезой. Был творцом Иисусовой молитвы. Церковные богослужения посещал неустанно.

Иеросхидиакон Арсений (Иеродиакон Антоний) († 10 августа 1922)

Иеросхидиакон Арсений, по прозвищу Хромой, по причине хромоты своей, был на более легких послушаниях при церкви.

Долго пребывал уставщиком в архангельском подворье, затем его перевели в монастырь; проходя череду служения, несколько лет работал в сетовязальне. Сетки вязал под тихое пение ирмосов и других церковных песнопений, которые он заучил наизусть за свое долголетнее послушание уставщика. Недолгое время был свечником в одной из кремлевских церквей. Последние пять лет перед кончиной он вновь проходил послушание уставщика и чередного в Филипповской церкви.

В своей келейной жизни, как монах нелицеприятный, он был воздержным во всех отношениях: и в слове, и в пище, и в питии, и в сне. Вставал задолго до полунощницы и начинал свое келейное правило многими поклонами, несмотря на больную ногу. Был болезненный, сухонький.

Отец Арсений много молился – вот общее мнение о нем старшей и младшей братии, знавших его как кроткого, смиренного и примерного инока.

Отца Арсения назначили к вывозу домой – и он очень плакал о том, чтобы его не отправляли отсюда. Тут же заболел, попал в больницу и там, недолго прохворав, к радости своей умер. Ко Господу отошел тихо, напутствованный всеми Таинствами. Похоронен с левой стороны кладбища, на флавиановой половине.

Архимандрит Варлаам († 16 декабря 1894)

Великий соловецкий старец, иеросхимонах Зосима, в свое время, при кончине настоятеля о. Варлаама, свидетельствовал ближним своим из братии, что Господь сподобил его знаменательного видения и соучастия в нем. В момент отшествия души о. Варлаама «он сам был духовно в числе небожителей в небесной славе и встречал со славою душу о. настоятеля, удостоенную доступа в обители небесные. В то же время он видел там многих благочестивых священнослужителей (оче-видно, соловецких – и своих сверстников, и знаемых им), удостоенных райского блаженства, и в отдельном месте схимонахов» (Соловецкий Новый Патерик. С. 36).

О том же видении о. Зосимы было известно многим из братии и, в частности, подтверждение сего находим в словах нового соловецкого летописца иеромонаха Мануила.

Монах Даниил (старец Дионисий) († 31 октября 1888)

Сей замечательный старец и подвижник, удостоенный от Бога дара прозорливости в особенной степени, доживал свой век при настоятеле Соловецкого монастыря архимандрите Мелетии. Среди братии и богомольцев он слыл за о. Дионисия (его имя в рясофоре). Незадолго до смерти был пострижен в мантию с именем Даниил.

В подробностях жизнь его в описаниях не запечатлена, и сохранилось очень мало сведений о его подвигах и благодатных случаях великого дара прозорливости, передаваемых между братии изустно. К числу таковых случаев относятся и следующие.

«В одно время, проживая в соловецком кремле, о. Даниил проходил по внутреннему коридору крепостной стены Соловецкого монастыря, где встретил одного инока, поприветствовав которого, спросил:

– Как, брат, живешь?

Брат сей разочарованно отвечал:

– Все мы живем очень худо, наверно и погибнем.

И в таком глубоком разочаровании продолжал свой разговор с о. Даниилом. На все это о. Даниил и говорит ему:

– Так думаешь, что все в монастыре грешники? Все погибнут? Нет, брат, напрасно ты так думаешь.

Сказав сии слова, стал о. Даниил смотреть в окно на братское кладбище. Собеседник о. Даниила также подошел к окну, а старец уже строго вопрошает сего скорбного инока:

– Посмотри-ка, брат, на кладбище, все ли в обители грешники?

И вдруг инок увидел горящие светильники над многими могилами почивших из братии. В это время о. Даниил снова спрашивает стоящего в благоговейном страхе инока:

– Ну-ка, брат, как ты думаешь, все ли грешники там? Нет, не думай так, много было здесь людей, угождавших Господу и от Него прославленных и упокоенных во Царствии Небесном, но неизвестных для нас. И сейчас еще много людей живет здесь благочестиво и богоугодно...

И множество других душеполезных наставлений поведал старец сему брату и отпустил его с миром душевным и бодрым духом, с изменившимся суждением о монастырской братии».

Соловецкий насельник, ныне покойный иеромонах Феодорит, поведал о нем следующее: «С молодых лет имея к соловецким угодникам усердие и желание пожить у них, я, наконец, с попутчиками совершил свое

богомолье в Соловецкую обитель. Обходя скиты и на Секирной горе, нашел я там старца о. Дионисия, который сказал мне следующее: «Скоро сюда придет твоя мать помолиться, ты же отсюда не уедешь, а будешь жить здесь, в монастыре».

И вот, помолившись в обители, собрался, было, я домой, но, встретившись с матерью, был возвращен ею назад и оставлен в обители трудником-годовиком. С тех пор уже живу здесь 35 лет, и, слава Богу, хранит меня Господь» (Соловецкий Новый Патерик. С. 45–47).

Некий старец монастырский поведал о нем следующее:

«Рассказывал мне трудник Петр (фамилии его не помню) из колесной мастерской, что он почитал о. Даниила и с благословения своего старшего иногда ходил к нему за советом или утешением. Вот его история.

“Была еще лютая зима, хотя на дворе стоял уже март месяц. Море между Соловецким и Анзерским островами сплошь замерзло, да и все губы сковало крепким льдом. Вот в это время, еще до наступления весенней распутицы, и задумал я сбегать к своему старцу. Зимняя дорога шла на Ребольду с 9-й версты вправо. Вот я и пошел, но, должно быть, заплутал, так как вышел на губу не в том месте, где существовал пеший переход. Возвращаться было некогда, и я пошел дальше. Анзеро было еще в 4–5-ти верстах от меня. Вдруг чувствую, что лед подо мною слабеет (должно быть, полынья попалась) и трескается. Вижу, не удержаться мне, уже провалился по пояс, а выбраться сил нет, да и тонкий лед мешает. Страх близкой смерти напал на меня, и, не чувствуя холодной воды, карабкаюсь напрасно на лед, стал я с мольбою кричать:

– Отец Дионисий! Отец Дионисий! Не к тебе ли я иду, что же ты мне не поможешь?

И вдруг чувствую, что словно кто с необычайной силой выпихнул меня на твердый лед, и я в изнеможении упал на ноги. Но сейчас же, радостный от явившейся помощи и явного спасения от неминуемой смерти, побежал я вперед. Одежда и обувь на мне заледенели. В Анзер добрался к самой вечерне. Скрыл я от братии, кому обязан своим спасением. Обогрели меня, одежду высушили, и рано поутру побежал я на Голгофу.

Не доходя версту до скита, вижу, словно поджидает меня кто-то, спустившись с горы. Радости не было конца, когда я, приблизившись, узнал своего старца о. Даниила. Сам ласковый, но, как бы сердясь на меня, скороговоркой проговорил:

– Царица Небесная тебя спасла, Она тебя вызволила. А ты меня просил! Что вздумал – меня просить, от меня помощи ждешь. “Отец

Дионисий! отец Дионисий! Не к тебе ли я иду, что же ты мне не поможешь?» – повторил он мои слова.

А мне стало и стыдно за себя и радостно за него, что такого великого прозорливца Бог слушает и по его молитвам помогает нам, грешным».

Но тут же о. Дионисий просил Петра трудника до его смерти о сем никому не сказывать. Так в простоте и смирении все благодатные с ним случаи он до времени скрывал от суждений братии, ибо себя считал недостойным тех милостей Божиих».

Как братия, так и богомольцы, которые прослышаны были о даре прозорливости о. Даниила, часто приходили к нему за благословением для начала своего дела. Когда принялись отливать новый 1 ООО-пудовый колокол, и здесь не обошлось без о. Даниила. Пришли к нему мастера (а были они с воли) и говорят:

– Благословите, о. Дионисий, отлить и поднять колокол.

А о. Даниил на это им отвечает:

– В июне, к Петру и Павлу, а не то в июле ото льете и подымете.

А мастера как раз перед этим обязались монастырскому начальству все эти работы закончить чуть ли не к середине мая. Поэтому, услышав эти слова, на этот раз они ему не поверили.

– Нет, батя, это больно долго, мы скорее подыдем.

Сделали все необходимое, затопили печь. Стали уже плавить медь в форму, как неожиданно печь не выдержала и разорвалась. Слава Богу, что все обошлось без человеческих жертв. Пока чинили печь, пока налаживали все сызнова, время-то и ушло. Так, словно по заказу Даниилову, ко дню св. апостолов Петра и Павла колокол и подняли.

Как-то двое из молоденьких годовиков порешили между собою сходить к о. Даниилу, чтобы порасспросить его о своей дальнейшей судьбе, так как заканчивался срок их пребывания в монастыре.

– Пойдем, брат, спросим старца, кто из нас домой поедет.

Пришли к о. Даниилу, а он словно их мысли читает. Подходит к одному и говорит:

– Ты поедешь домой.

Затем, ласково и грустно

глядя на другого, стоявшего со смущением в ожидании своего приговора, сказал:

– А ты, парень, не поедешь. Здесь останешься.

И что же? Последний трудовик, а был он лет 16-ти, будучи на послушании на ремонте квасных бочек, залез в 200-ведерную бочку для ее очистки, да и задохнулся там... После таких случаев слово о. Даниила

возымело большую силу.

Приходит к нему один трудовик уже на Анзере. Показывает письмо от матери, которая пишет, что ждет его к себе на побывку. А о. Даниил, как бы не слушая его, с устремленным куда-то взором, тихо и грустно напевает на похоронный мотив:

– Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Безсмертный, помилуй нас... А народу-то, народу-то как много... – перебивает сам себя о. Даниил и продолжает: – Милая, лежит сном праведным... Царство тебе Небесное...

Трудовик так и не дождался ответа от о. Даниила. Но со следующей почтой он получил другой ответ – письмо от родных, извещавшее его о кончине матери и о погребении, которое происходило (как это он потом выяснил из дальнейших писем) как раз в то время, когда о. Даниил, прозревая сие, так прикровенно об этом говорил.

Отец Даниил проходил в монастыре немало послушаний, но недолго бывал на них – не уживался и явно блажил. Тянуло его в места пустынные, подальше от многого шума и людей. Назначили его старостой в малярную мастерскую, но ему это послушание было почему-то не по сердцу. И вот идет о. Даниил к свечнику, покупает свечи, поставляет их вокруг себя, зажигает, а сам начинает петь церковные песнопения. Собрались братия, доложили о. настоятелю.

– Умалишенный, – решили в соборе и во мнении братском и отставили от сего послушания.

Вскоре после этого назначили его очередным чтецом. В назначенный день и час стал он читать и вдруг как закричит на весь храм:

– Чудны дела Твои, Господи, вся премудростию сотворил еси.

Отец настоятель вынужден был отстранить его и от этого послушания. Тогда сделали его привратником у главных (святых) кремлевских ворот. Недолго пробыл он и здесь, хотя ничего особенного за ним замечено не было. Удивлял он всех лишь тем, что, сколько бы раз кто-либо ни входил в кремлевские ворота или не выходил из них, сколько бы народу ни проходило мимо него вообще, каждому он низко кланялся.

После этого назначили его сторожем-привратником в Успенскую трапезную церковь. Но и там, у дверей, он долго не простоял. В 1884 или 1885 году его перевели на Голгофу, в Распятский скит (отчасти, как неисправимого), где он и прожил остаток дней своих, предавшись всецело молитвенному подвигу и духовному деланию.

Отец Даниил долгое время пробыл рясофорным монахом, поэтому как среди богомольцев, так и среди братии и по сие время прозывается о.

Дионисием Голгофским. На Голгофском скиту нес послушание синодичного, каковое исполнял с ревностью, любя поминать покойников.

Имел он Библию громадных размеров. Она постоянно лежала у него на полу. Он любил читать Слово Божие и почти не расставался с ним. Бывало, когда приходили к нему братия или многочисленные богомольцы, прослышанные о его благодатных дарах, то он обращался со всеми очень внимательно и ласково, раздавал крестики, Троицкие листочки и др., но не всем все говорил из того, чего они ждали или хотели, потому что не с искренним чувством и покаянным настроением приходили к нему.

Родом о. Даниил был из Череповецкого уезда нынешней Северодвинской губернии, земляком его являлся престарелый монах о. Авдий, один из немногих оставшихся рассказчиков, нынешний летописец монастырской старины.

Братия монастырская считали о. Даниила истинным подвижником благочестия и свято чтят его память и по сие время. Никого он не боялся по-человечески, ни перед кем не пресмыкался, никому не льстил, а правду говорил всем в лицо. Бывали случаи, что и обличал кого следует, но делал все это под маскою юродства. Подвиг такой взял он на себя не сразу, сначала братия замечали в нем только странности, но от времени это выявлялось определенно, и он во мнении богомольцев и братии слыл за «блаженненького». «Блажит отец Дионисий», – бывало, говорили про него, и все уже знали, что он что-либо особенное или сотворил, или сказал.

Схимонах Диомид (Монах Тарасий) († 29 августа 1921)

Монах Тарасий, уроженец Вологодской губернии Кадниковского уезда; бедных, но православных родителей. В миру именовался Диомидом. Дома приходилось ему всяко пожить – и по миру с зобней, и в пастухах с сумой. В монастырь прибыл на 25-м году от роду. Первоначальное послушание, которое очень уважал, несколько годов полагал трубочистом. Потом ему поручено было послушание в скитах, затем проходил несколько лет пономарем при церкви в Муксалме и в Савватиеве. Грамотой владел плохо, только для себя разбирал. Под конец жизни читал в Савватиевой пустыни Псалтирь, с поминовением о здравии и за упокой рабов Божиих, благотворителей св. обители.

Жившему на послушании в сапожной мастерской одному годовику богомольцу, у которого сильно болела голова (уже в течение нескольких дней), во сне явился монах Тарасий и говорит: «У вас в сапожной мастерской, у икон, есть святой крест, сотвори пред ним три земных поклона, поцелуй его, приложи к больной голове и получишь отраду». Парень сделал, как ему было велено, и получил облегчение.

Монах Тарасий был прилежен к церковным службам и к келейно-му монашескому правилу, которое никогда не пропускал. Любил читать акафист преподобным Соловецким чудотворцам (по несколько раз в течение недели). Никогда не бывал праздный, все что-нибудь да делал. Отличался безграничным послушанием.

Однажды пришел он из скита в монастырь к одному брату (который и теперь еще жив) и сказал: «Да, брат, отец Н., я скоро, кажется, помру». А брат ему и говорит: «Сделай такую милость, исполни мое послушание, явись мне за три дня до моей смерти, чтобы мне с покаянием помереть». Первоначально стал он отказываться, мол, грешный, нет, нет, не берусь за это дело, а брат и говорит: «Да как же так – раньше ты был послушный, а теперь отказываешься?» Тогда он согласился.

В конце жизни он ослеп и был пострижен в схиму о. игуменом Феофаном с мирским именем Диомид. Немного поболел, с миром скончался. Прожил он в монастыре 43 года.

С подлинным верно: иеромонах Мартин.

Иеромонах Дорофей Больничный († 19 апреля 1919. Пасхальная неделя)

Из монашествующих, добрым подвигом подвизавшихся в монастырской больнице, обращал на себя особое внимание своей высокой, дивной богоугодной жизнью заведующий больницей иеромонах Дорофей (в миру Яков Иванович Лебедев). По образованию он был не врачом, а фельдшером, но, несмотря на это, поражал всех обращавшихся к нему своим большим опытом, наблюдательностью и знаниями в медицинской области. Много лет трудился он в Соловецкой обители, облегчая телесные недуги и ободряя малодушных и тяжело и безнадежно больных. Постоянно уравновешенный, веселый, ласковый, какой-то особенно обаятельный, всегда добрым приветливым словом придаст всем бодрости, душевных сил, поднимет дух. Пламенеющий в молитвах о страждущих, он всегда – во всякое время дня и ночи и не в свои часы дежурства – готов был прийти на помощь близкому и для отдания последнего долга – исповеди с причастием и отходной. И легко, как-то отрадно было умирать в его присутствии, без страха уходить примиренным в вечность.

По назначению губернских властей он поступил в больницу Соловецкого монастыря сперва в звании фельдшера. С течением времени возымел рвение к монашеской жизни и постепенно, проходя ступень иноческого жития уже на положении насельника св. обители, а не служащего, он сподобился пострижения в мантию с именем Дорофей, а по некоем времени и возведения в сан иеромонаха, пробыв недолго в звании иеродиакона. Вот с этого времени и начался его подвиг безмездного врачевства и облегчения страждущей братии, трудников и богомольцев. На этом послушании о. Дорофей явил собою дивный образец неустанного и безропотного служения, редкого прилежания и усердия. В скором времени он приобрел общую братскую любовь и неограниченное доверие как отца настоятеля, так и монастырской братии.

Он почти не знал покоя в заботах и хлопотах о больных. С раннего утра начинался его трудовой день в больнице. За литургией, которую он часто служил в больничной церкви, он усердно молился за тяжелобольных и благоговейно читал молитвами память умерших у него в больнице. Вскоре после службы начинался обход палат. Являясь к пациентам, о. Дорофей сначала клал три поклона перед палатными иконами, потом приветствовал больных, ободряя их уже одним своим веселым видом, ласковым утешающим словом поддерживая малодушных и тяжелобольных.

А осматривая больного, всегда утешал его надеждою на скорое выздоровление с помощью Божией. И больные чувствовали себя в его присутствии особенно благодатно и радостно и всегда скорбели, когда он покидал палату, хотя бы и ненадолго; но особую печаль причинял он им, когда отлучался из кремля или монастыря по делам службы.

В последние годы своей поистине многотрудной жизни о. Дорофей стал жаловаться на ноги, но все же, несмотря на частые и сильные ревматические боли, не бросал своего послушания и продолжал нести его так же безукоризненно и безропотно, как и раньше. Будучи родным отцом не только для своих больных, но и для больничных служащих, он, ослабевая телесно в почти непрерывных трудах, всегда был вовремя заменяем сослуживцами-иноками, которые сами наперебой старались помочь ему в служении больным, а также оказать помощь и ему самому, постепенно изнемогавшему на сем великом и святом поприще.

Незадолго до своей кончины он стал заметно слабеть, но зато часто приобщался Святых Тайн. Наступил день кончины. Вдруг он просит окружающих повернуть его лицом к лику Богоматери. Почувствовав в это время некое облегчение, он говорит весело: «А я теперь ничем не болен». И, сказав сии слова, чрез несколько минут с молитвою на устах блаженно и тихо почил – безмездный врач и целитель душ и телес болящих братьев и трудников.

Отпевание и погребение его отличалось редким, единодушным многолюдством монастырской братии, свидетельствовавшей свое особенное уважение к нему множеством молитвенной благодарности за те милости и облегчения, кои Господь являл им по молитвам своего соловецкого Пантелеймона (Соловецкий Новый Патерик. С. 56–58).

Многоболезненный Монах Евфимий († 7 октября 1918)

В числе иноков, начавших свое монастырское житие в Соловецком монастыре при настоятеле о. Мелетии, одним из немногих, достигших к старости особого умирительного дара терпения телесных скорбей и радования о них, был монах Евфимий, прозванный за долголетнее пребывание на одре болящим – многоболезненным. Всей жизни его было около 67-ми лет, жизни же в обители – около 40. Родом он был из Новгородской губернии. Около 20-ти лет по прибытии в монастырь он поочередно исполнял целый ряд ответственных хозяйственных должностей и с большим усердием нес свое послушание (эконома и др.). Вторая половина жизни его в св. обители сложилась скорбно. Неизвестно по какой причине разболелась у него нога. На холке образовалась значительная язва, которая со временем увеличивалась и причиняла о. Евфимию нестерпимую боль, поэтому ходил он постоянно в чулках и галошах. Лекарства не приносили ему никакого облегчения, и последние семь лет о. Евфимий пролежал на одре, сперва в богадельне, в Савватиевском скиту, затем в монастырской больнице, так как болезнь захватила и другую ногу, а раны от времени заросли диким мясом. Кроме того, к основной болезни прибавилась грыжа, а также его постоянно мучила головная боль. Такое болезненное состояние отражалось на больном сильной бессоницей, лишь ненадолго прерываемой легким сном-забытьем. В пище он был весьма воздержан, даже не вкушал многого из того, что полагалось ему по больничному столу.

Несмотря на все страдания, был он всегда всем доволен, никогда не роптал на Бога, с окружающими старался обращаться ласково, кротко, а с приходившими к нему постоянно вел духовные беседы, говоря:

– Ах, как будет больно за грехи вечно мучиться. Я вот ныне не могу терпеть своей болезнью, а как тогда будет терпеть? Теперь, хотя и трудно терпеть, но все же мука когда-нибудь да кончится, а там будет она без конца.

Когда подавали больничную пищу, всегда хвалил:

– Сегодня царский обед у меня...

С окружающей больничной прислугой обращался на редкость ласково и предупредительно. Унывавших и устававших на своих послушаниях всегда ободрял назидательными рассказами и примерами как из жизни св. отцов, так и из сказаний о соловецких старых и современных ему праведников и подвижников благочестия, а в виде наставления всегда

указывал на то, как полезно и богоугодно терпение скорбей и несение болезней и как спасительно служение больным и страждущим.

Еще задолго до своей кончины он раздал братии принадлежавшие ему вещи. Расточив все до последней тряпки для язв своих, о. Евфимий воистину уподобился многострадальному Иову, как о сем свидетельствовала больничная братия, видя его язвы, внимая его страданиям, удивляясь его терпению и благоговей пред его непрестанною сердечною молитвою, коею он скрадывал свои скорби и поддерживал свое радование о Господе.

По свидетельству окружающих, имели место также случаи его прозорливости, которые он тщательно от всех скрывал. Один иеромонах, бывший монастырским экономом, ночью неожиданно заболел. Нашла на него общая простуда. Много перенес больной; хотя и был кротким и умирительным, но все же под конец пал духом. Прибежал больной инок в больницу, и встретил его в своей палате о. Евфимий. Запросил он у отца Евфимия водицы. А тот, словно угадав его настроение, строго обратился к больному с назиданием: «Не падай духом».

Учил всех перед кончиною, что надо «все терпеть, за все благодарить Бога». Предсмертную исповедь делал игумен о. Ф.

Старец Иеросхимонах Захария (Зиновий)

Был спостником и сподвижником по послушанию о. Кирилла († 8 сентября 1903). Небольшого роста, худощавый, к старости стал весь сухой. По происхождению – хохол Воронежской губернии, кличку имел Зиновий Хохол. Недолгое время проживал на архангельском монастырском подворье.

Монастырское начальство долго не давало ему священства, но, очевидно, кто-либо хлопотал о нем, и тогда, согласно личному желанию митрополита Исидора, Св. Синод постановил возвести его в сан иеромонаха.

В Соловецкую обитель поступил при настоятеле о. Мелетии и, прожив до глубокой старости, почил о Господе в день Рождества Пречистой Богородицы, но не в своей родной обители, а в Печенгском монастыре, где пребывало немало ссыльных из числа духовенства.

Особую ревностью отличался в ежедневном посещении всех монастырских служб, к началу которых приходил одним из первых и не старался покидать их с поспешностью после окончания. Больше всего любил служить панихиды и молебны. Так же, как и о. Кирилл, любил поминать покойников. И хотя славянские книги читал по складам, но благодаря своему смирению уже при жизни творил чудеса.

Когда о. настоятель вручал кого-либо из вновь постригаемых под его начало, то о. Захария налагал на них очень большие келейные правила, бывавшие им зачастую не под силу; вообще в такого рода наставительных монашеских деланиях он считался среди братии очень строгим. И некоторые, бывало, боялись получить его своим старцем.

Отец Захария свои келейные подвиги скрывал от братии. Никогда не ходил мыться в баню, а опрятывал себя дома, неизвестно как. Спал очень мало, да и то большей частью сидя, не позволяя себе лечь на койку. В обращении с окружающими и братией отличался редкостным смирением и безмерной простотой, всегда со всеми был справедлив и терпеть не мог неправды, несправедливости и т. п., за что и пострадал немало от своего монастырского начальства, будучи сослан за свои «слова и мысли и обличения старших» на исправление на остров Конда; а затем, когда и там «не исправился», сослали его в Печенгский монастырь, где и был он со временем пострижен в схиму. Но все эти внешние скорби нисколько не поколебали его в той стойкости, с кою он защищал все правое и Божие. В Печенгском монастыре он и принял кончину, которая была так же тиха,

кротка и блаженна, как и вся его монастырская жизнь.

На Конде о. Захария был за строителя. Благодаря своей природной энергии очень много он сделал за небольшой срок своего пребывания на острове. Сам яблони насадил, и до сего времени они растут и плоды дают в достатке, немало устроил в местном хозяйстве. Соловецкие богомольцы и рыбаки и там не оставляли его, а последние, постоянно останавливаясь по пути на Конде, одаривали его с братией рыбой, картофелем и другими продуктами своего производства. Слава о нем с Соловков дошла и до этого места.

– Батюшка, помолись за нас, твоя молитва до Бога доходна, – говаривали они, оделяя его своими излишками. И верили в него, как в угождающего Богу своими добродетелями и тайными молитвенными подвигами.

Отец Захария несомненно обладал даром прозорливости. В среде Соловецкой братии сохранилось немало свидетельств исполненных его проречений как о насельниках монастыря, так и о самом монастыре.

Он читал мысли и желания приходивших к нему и тут же изобличал в неправде и в несправедливости тех из них, кои шли к нему, желая или скрыть от него что-либо нехорошее, или оправдаться.

Задумал один монах купить себе очки дальние (бинокль), да уж очень дорого они стоили. Пошел он как-то к о. Захарии посоветоваться о чем-то, а тот его встречает следующими словами:

– Очки-то дальние не покупай, отец, глаза испортишь.

Как сказал он, так и послушался монах и более не помышлял об этой покупке.

За получением жалованья для братии о. Захария сам иногда приезжал из Печенги в Соловки и останавливался в гостинице. Как-то раз потерял он там 5 рублей. Деньги нашел помощник гостинника и рассказал об этой находке гостиннику о. Ксенофонту. И решили они затем сдать деньги о. казначею. Вдруг встречается о. Захария и говорит помощнику гостинника, пытливо всматриваясь в его лицо:

– Алексей, а не нашел ли ты моих монеток?

«А мне сразу стало стыдно, и я тотчас отдал ему 5 рублей. И солгать, и украсть, и тяжко согрешить не допустил о. Захария, вовремя оберегая нас от греха», – рассказывал впоследствии Алексей – помощник гостинника.

Иеросхимонах Зосима († 4 мая 1920)

Проречения о. Зосимы в 1913–1919 гг.

Еще задолго до первой мировой войны о. Зосима притчно, загадочно говорил о грядущем великом кровопролитии, о низложении Царя и о скорбях для России, но все это в сердцах большинства братии не откладывалось.

Незадолго до неожиданного прихода в монастырь англичан он говорил так:

– Еще монастырь подпадет под владычество англичан, но недолго они здесь будут.

Когда англичане стали требовать себе монастырский скот, то о. Зосима утешал братию:

– Скот будет весь ваш.

И действительно, в скором времени англичане отступили от своих требований, ограничились самым незначительным побором с монастыря и покинули его, не причинив ему ущерба.

– Эта невелика туча... А вот идут грозные, неминуемые... грядут скоро... – говорил о. Зосима, когда в 1918 году английский отряд посетил Соловки.

Последние годы он жил в филипповском корпусе, в келлии № 34. Часто прохаживаясь по коридору, он вдруг останавливался, словно начинал прислушиваться, а затем так спокойно и каким-то особым голосом говорил:

– Всё стоны слышу... иду коридором... прохожу... всё стоны. Слышу всё стоны.

– К чему это, о. Зосима? – спрашивали его окружающие.

А он, помолчав, как бы нехотя, отвечал:

– А не знаю.

И уходил к себе в келлию.

Уже с 1918 года братии был уменьшен хлебный паек, так как истощились прежние монастырские запасы. Братия всю зиму от сей нехватки хлеба в скорбях прожили, а о. Зосима все, бывало, утешает:

– А вот нам американского хлеба представят.

И что же? Весною следующего года к Соловкам подошел океанский пароход, нагруженный мукой, пожертвованной одним американцем, неким Лявли, для Соловецкого монастыря. Он обещал впредь еще прислать, но в дальнейшем помешали военные действия.

А между тем общебратская трапеза, начиная с 1917 года, стала все более и более утесняться за полным израсходованием старых запасов.

Отец Зосима, как больничный, трапезу получал общую и вкушал ее в своей келлии. Но иногда он вдруг появлялся в братской трапезе, и тогда братия со вниманием прислушивались к его словам.

Еще в самом начале нестроения, когда братия и не могли предвидеть надвигающегося голода и общего утеснения жизни, зашел он раз в трапезу и, как бы разговаривая с кем-то, сказал:

– Прихожу в трапезу. Монахи обедают. А суп жидкий – крупка за крупкой... И более ничего. И я покушал немного...

Как раз в тот день обед был сытный и густой. Но скоро пришло время, когда уже супы стали варить жидкие, крупка за крупкой, и братия охотно поели бы еще, а приходилось «покушать немного». И вспомнились тогда его слова, предупреждавшие братию о сем оскудении...

Внешние признаки говорили совсем о другом, да и авторитет о. Зосимы как молитвенника еще не был так силен в глазах братии и так велик во мнении собора и о. настоятеля, чтобы каждое его слово оценивалось бы по достоинству.

Уже в последние годы своей жизни, приблизительно лет за восемь, духовно прозревая надвигающееся грозное будущее своей родины и св. обители Соловецкой, стал о. Зосима иногда прикровенно, а большею частью немногими словами открывать завесу грядущих событий, и не только братии монастырской, но и богомольцам, приблизительно в следующих выражениях:

– Настанет такое время, что, не дай Бог, нам до него дожить.

Когда же его спрашивали, что именно случится, то он со вздохом говорил, что всю Россию победят. В монастырь наедет множество нечестивых людей, а монахи разбегутся в разные стороны. Когда же допытывались, от кого и чрез кого святая обитель потерпит такое поношение, то на это ответа он не давал.

Вообще в те годы он избегал говорить об этом подробно, и только последующие события – наступление всемирной войны и разразившаяся в связи с ней великая и грозная русская революция – стали обнаруживать исполнение его общих пророчеств.

В эти годы к его голосу стали прислушиваться более внимательно, и многое, еще не так давно считавшееся во мнении братии измышлением, ныне уже волновало их своим исполнением, а также ожиданием грядущего, прореченного старцем. С этой точки зрения и приходится расценивать все его предсказания как государственного, так и

политического характера.

Еще прорекал он, что в обители «и стены задрожат, и камни-то перевернутся». И действительно, наступили тяжелые годы владения монастырем неверами и извергами, которые якобы в поисках зарытых ценностей не совестились разрывать могилы недавно захороненных монастырских деятелей (о. Иоанникия и др.) и осквернять святыни.

Еще сказывал он, что Соловецкий монастырь много на себе претерпит скорбей, притеснений, унижений, осквернений и разрушений, прежде чем вновь восстановится и возродится. А сколько лет продолжатся сии скорби, о том никому открыто не говорил, но по некоторым его словам было ясно, что, определенно, он говорил только о семи годах, особенно тяжелых для братии монастыря (т. е. о периоде с весны 1920 по 1927 год). После сего времени немного полегчает, а затем наступят новые и лютые скорби. Иностранные державы заключат между собою союз и пойдут на Россию. Россия заключит союз с Германией. Англия совершит нападение на монастырь.

– Вот жарко будет тогда монастырю, – говаривал он. – А когда Англия будет от монастыря отступать, то заберет все остатки старины и все ценное... разорит монастырь совсем... И после сего уже ему вновь возвышаться, а не умяляться...

Но все это, касающееся более отдаленного будущего монастыря, говорилось очень загадочно, в неопределенных, неясных для братии выражениях, которые, несомненно, со временем смогут стать понятными в свете развертывающихся политических событий.

Еще несколько раз о. Зосима со скорбью и беспокойством говорил:

– А впоследствии что будет!..

И лицо его принимало особо таинственное, величавое выражение. Когда же просили его объяснить более точно, он словно уклонялся – так тяжело было, видимо, носить в себе столь много провещанного ему, но еще невмещавшегося в сердца окружающих его, даже из числа близких людей.

В момент занятия Соловецкого монастыря сельхозом и первым лагерем раннею весною 1920 года о. Зосима говорил окружающей его братии отрывочно, односложно, порою более прикровенно о грядущих скорбях, ожидающих насельников святой обители:

– Кто вытерпит сие житие, тот венцы получит...

И еще говорил:

– Все осквернят, святыни разрушат... Жизнь худая приходит... Келлии плакать будут... Стены плакать будут...

Не раз заходил он в Благовещенский корпус и, как бы озираясь и прислушиваясь, говорил окружающим:

– Рев, стоны... дети орут... келлейки-то заплачут... некому будет жить в них...

Ближайшее будущее оправдало его слова. В 1920 году в сем корпусе помещалось несколько семейств вольных с детьми, которые, конечно, и плакали, и шумели, и кричали.

Осенью 1925 года в Благовещенском корпусе, в так называемой 7-й роте, была помещена команда музыкантов духового оркестра, которая ежедневно грохотала своими инструментами.

И еще сказывал про монахов-«подписчиков» и чинителей беспорядков и монастырской смуты, но со скорбью:

– Достойные сего... рассеются... сеют... пожнут... достойны...

Отрывочные слова его, очевидно, относились к тем скорбным событиям весны 1923 года, когда почти вся братия, и в том числе и «подписчики», должны были поспешно покинуть святую обитель по распоряжению администрации лагеря ГПУ.

Рассказ о. Авксентия

Один монах шел прикладываться к мощам преподобных Зосимы и Савватия во время дежурного стояния о. Зосимы. Был он в мантии, наглухо закрытой, а между тем, по небрежности ли или другим причинам, явился он в церковь, не одевшись в белые исподники. А о. Зосима, словно прозревая это, вдруг берет откуда-то (может быть, припасенный им заранее) свежий веник и начинает легко сечь этого монаха. Тот понял причину сего и устыдился.

* * *

Однажды старец о. Зосима сказал о. Михею, когда он как-то раз проходил мимо него:

– А ты, парень, не скорби, ты перед смертью еще увидишь (т.е. прозреешь).

Отец Михей не усомнился в правоте его слов, но все же иногда малодушествовал.

Рассказ о. Никиты-рыбака (стоял 4 года у мощей, будучи пономарем и в звании послушника.)

Это было весной 1914 года. Входит в Троицкий собор рясофорный послушник Стефан, человек грубый и неприветливый. Он был старостой при женской трапезе богомольцев и заходил в церковь за огарками для трапезы. Проходя мимо о. Зосимы, был ласково окликнут последним:

– А что, парень, как живешь?

– А тебе какое дело? – в сердцах грубо ответил ему Стефан.

Отец Зосима отвернулся в сторону и тихо так говорит:

– Смотри, помрешь, как головня будешь валяться.

Не прошло и полгода, как послушник Стефан, осенью смещенный с должности старосты и отправленный на Заячьи острова, во время перехода в бурю, 1 ноября, в день именин настоятеля о. Иоанникия, вместе с монахом Павлином утонул. Тела их осенью не нашли, и никто в монастыре не знал об их смерти до престольного праздника заяцкой церкви св. ап. Андрея Первозванного.

Только весной 1915 года все, что сохранилось от тела Павлина, было найдено за Мельничной губой. И тогда вспомнили, как Стефан приехал поздравить о. настоятеля в день его именин без благословения на эту поездку, а о. Иоанникий сказал ему резко:

– Поезжай назад.

И теперь неведомо где, как головня, валяется его тело... От монаха Павлина отыскалась лишь одна нога и ту узнали только по его чулку, а тела Стефана вообще так и не нашли. В точности исполнились слова старца Зосимы.

Рассказ караульщика

– Какое-то страшилище лезет, в хвосте огонь... так и лезет, а пролезть в меня не может.

Отец Зосима помахал пальцем, говоря:

– Ладно, не время еще, иди, иди с Богом. Было это в 1918–20-х годах.

Иеросхимонах Иоанн Богадельный (Иеромонах Иов) († 7 августа 1922)

Иеросхимонах Иоанн (в монашестве Иов) в Соловецкий монастырь прибыл в 1853 году, с молодых лет пребывая в сей обители в трудах и подвигах, прожил в ней 69 лет. Была у него привычка постоянно что-нибудь говорить, хотя бы и находился он один. Послушания в монастыре проходил разные, за послушание был послан в Печенгский монастырь, в котором пробыл 4 года. Последнее время жил в монастыре при совхозе, в качестве инвалида был перевезен в Савватиевскую пустынь, а оттуда вскоре, весной 1922 года, увезен с прочней братией в богадельню в Архангельск. Но в богадельне старец прожил недолго, болезнь да скорби отняли у него здоровье, и он скончался. Перед смертью предстала ему в видении Царица Небесная, приглашая его в горние обители, и велела сказать остальным монастырским братьям, находящимся с ним в богадельне, чтобы они не скорбели и не выезжали с Соловков, а терпели бы скорби мужественно: «Я Сама им воздам награду за терпение».

После сего старец вскоре с миром скончался.

Иеросхимонах Иоанн (иеромонах Нестор) († 10 августа 1904)

Поступил в Соловецкий монастырь вскоре после Крымской войны. Отец Нестор был одним из немногих учеников и собеседников Голгофского подвижника, монаха Даниила (из Распятского скита). Перед своею кончиною принял схиму с именем Иоанн (в день памяти прп. Иоанна Лествичника).

В баню никогда не ходил. Чай хотя и вкушал, но в меру; пищевую воду заготавливал летом благодаря дождям, а зимой натаивал из снега. С братской трапезы еды в келлию не брал, посещая ее только два раза в год: на Пасху и Рождество. В остальное время питался в келлии, варя себе что-либо в горшочке, от братского повара продуктами для сего не пользовался.

Любил читать Псалтирь, особенно в летнее время на улице, лежа на своей шубе. Страдал сильным отеком ног.

10 августа 1904 года Господь сподобил его тихой и мирной кончины. Захоронен в левой стороне кладбища, недалеко от Онуфриевой церкви.

Замечательно было то, что все начальство и служащие, приезжавшие в Соловецкий монастырь, всегда после встречи с настоятелем в первую очередь обращались с расспросами к нему.

Иеросхидиакон Памва († 9 августа 1896)

Иеросхидиакон Памва прибыл в монастырь со своим родным сыном, которого звали Феофаном. Прибыли где-то в шестидесятых годах, после бомбардирования обители англичанами. Первоначальное прохождение послушаний нам неизвестно. Сын его еще в иеродиаконском сане был разбит параличом правой стороны тела. Иеросхидиакон Памва, до открытия Вознесенского скита на Секирной горе, летом проживал там для охраны скита и приема богомольцев, которые иногда туда приезжали. А в зимнее время он жил в старой Сосновой для караула и для возжигания в часовне лампы пред явленной Сосновской иконой Божией Матери.

Однажды в зимнее время, в полночь, во время чтения и пения псалмов, услышал он, что кто-то вошел в его келлию, двери которой были закрыты на крючок. Старец, обернувшись к двери, увидел большого негра, совершенно черного, как сажа, да к тому же совершенно нагого. Волосы его были густые и очень кудрявые, зубы белые, а глаза красные, как огненные. Он ничего не говорил, стоял молча. Старец, увидев его, не смутился, понял, какой гость пожаловал к нему, и, обратясь опять к иконам, начал петь псалмы. По окончании молитвы обернулся к двери, но незваного гостя уже не было, а дверь по-прежнему была закрыта на крючок.

Под старость его освободили от этого послушания, он жил в монастыре на покое. К концу жизни совсем ослеп. Старец был подвижник, его называли пустынноиком. Покойный иеромонах Флавиан часто ходил к нему на Секирную читать правило. И это было единственным утешением для о. Памвы в последние годы его жизни.

Архимандрит Питирим († 14 августа 1903)

Скончался в должности настоятеля Кожеозерского монастыря Архангельской епархии, где и погребен. Соловецкий постриженник. Занимал последовательно ряд монастырских должностей, при настоятеле о. архимандрите Мелетии был назначен наместником Соловецкого монастыря, в каковой должности пробыл до конца 80-х годов, когда последовало назначение его в Кожеозерский монастырь. В мнении братии Соловецкого монастыря считался «благочестивым старцем».

Иеросхимонах Зосима поведал раз ближним своим, что он сподобился лицезреть отшествие души сего праведного старца, со ангельским пением несомой в горние обители. Впоследствии рассказ сей подтвердился письменным извещением о кончине о. Питирима, которое повторило с внешней стороны видение старца о. Зосимы (Соловецкий Новый Патерик. С. 36).

Блаженный монах Тихон Больничный († 30 января 1901)

Монах Тихон родом был новгородец Тихвинского уезда, жил в настоятельство отцов Мелетия, Варлаама и Иоанникия. Последние десятилетия его продолжительной соловецкой жизни прошли в утеснениях, гонениях, насмешках и великих скорбях. Жизнь он вел странную, загадочную, взяв, очевидно, на себя подвиг юродства. Имел особое дерзновение, независимо от должности и положения, занимаемых иноками, обличать их в неприличном и неподобающем монаху поведении. Даже и отцам настоятелям доставалось выслушивать от него обличения, упреки и слова назидания, если он замечал у них какое-либо отступление от установленного благочиния.

В последние 20–25 лет своей жизни он упорно, несмотря на настойчивые увещания о. настоятеля и старшей братии, стал себя называть «Тихоном, Патриархом Московским и всея России» и при этом обеими руками благословлял всех встречающихся ему. За это он по приказанию о. настоятеля был изолирован от братии и помещен в одну из келлий в то время уже нежилого казенного монастырского помещения, как здесь называли, острога.

Такая суровая мера изоляции от братии диктовалась, согласно мнению настоятеля, необходимостью избавить братию от соблазна. Да к тому же многие из братии стали считать его душевнобольным.

Окна его келлии-камеры выходили на двор, в сторону главных ворот кремля. Иногда он сидел у открытого окна и благословлял проходивших мимо по-архиерейски, приговаривая:

– Я Тихон, Святейший Патриарх Московский и всея России.

Таким же приветствием и архиерейским благословением встречал он и ходивших к нему богомольцев, среди которых прошла молва о нем, как о подвижнике и Христа ради юродивом. Все жаждали услышать от него не только слова назидания, но и проречения. Однако блаженный Тихон не всегда удовлетворял их неспасительное любопытство.

По распоряжению о. настоятеля за ним был приставлен служка – монастырский послушник, который часто сердился на блаженного, запирали его на день и более; были случаи, когда о. Тихон был под замком и по неделе, без всякой пищи. Но никогда крепкий старец не выговаривал ему за это, всегда молчал, и даже в таких случаях не упоминал о пище.

Поэтому был как бы по необходимости и постником. Никто не знал

его келейного молитвенного правила. Но часто видели его с воздетыми руками и с горящим взором устремленных горе влажных глаз.

Много скорбей, унижений, насмешек претерпел сей старец от окружающей братии, но все это всем прощал по своей кротости и миролюбию, которые озаряли его лицо, что и послужило поводом называть его блаженным. Всех из братии называл он по имени и отчеству, имея все это в сердце своем не по знанию, а по чистоте обращающихся к нему. Имел особенное усердие к чтению Евангелия.

Еще он часто прикровенно и вдохновенно уверял окружающих, что в его камере будет церковь. И действительно, после издания манифеста от 17 апреля 1905 года о свободе вероисповеданий все помещение бывшей тюрьмы при о. архимандрите Иоанникии было заново перестроено под монастырскую больницу, а в камере как будто даже поставлен престол домово́й церкви в честь иконы Божией Матери «Утоли моя печали».

Был он недолгое время, до помещения своего в острог, в Муксо́льме. Ходил однажды недалеко от скита и мурлыкал про себя что-то странное, а потом подошел к одному месту среди кустарников и заглубил в землю сделанный им самим небольшой крест.

– Отец Тихон, что ты там делаешь? – спросили его братия.

– А это вот церковь здесь будет, – уверенным тоном ответил он.

– А вот и не будет, – возразили ему, – для Муксо́льмы достаточно и такой часовни, какая сейчас есть.

А блаженный Тихон лишь молча отошел, ибо лишних слов на ветер не пускал, не болтал, а более всего молчал.

Через несколько лет с благословения местного епархиального начальства как раз на том самом месте был выстроен храм в честь преподобного Сергия, игумена Радонежского.

После сего окружающие стали еще более усердными в почитании его, так как одно исполнилось, и теперь ожидали исполнения дальнейшего, в частности, относительно «некоего Святейшего Патриарха Тихона». Ныне приходится свидетельствовать точное исполнение его слов. Разве мы не получили в годину начала смуты Патриарха Тихона? А кто тогда мог думать, что сей кроткий Святейший (а таковым блаженный Тихон его и изображал) в свое время будет заключен в монастырь, в отдельный флигель, недалеко от святых ворот, и что он (хотя и при другой обстановке) будет, сидя у открытого окна, благословлять народ или ходить по открытой площадке у своего помещения и благословлять во множестве стекавшихся к нему православных богомольцев?

Блаженный Тихон пользовался правом прогулок (не лишен был их и

Святейший Патриарх Тихон во время своего заключения). Раз во время гуляния он неожиданно подошел к святым воротам, где в ожидании встречи приехавшего на Соловки некоего архиерея стояли о. настоятель с братиею. Не дожидаясь благословения входившего в это время владыки, он сам стал благословлять по-архиерейски как его, так и всех окружающих, приговаривая:

– Я Тихон, Святейший Патриарх Московский и всея России.

Архиерей, осведомившись о его блаженном состоянии, не обиделся на необычайное приветствие, но все сие сложил в сердце своем (Соловецкий Новый Патерик. С. 48–50).

Приближалось время отшествия о. Тихона в вечность. Напутствованный, соборованный, он ждал дня и часа своей кончины. Она последовала 30 января 1901 года. Во время отпевания некоторые из братии ощущали исходящее от него благоухание. Один из братии так говорил:

– За всю жизнь ощущал благоухание только от двух старцев: о. духовника Филарета и от сего блаженного монаха.

Иеросхимонах Феодор (Духовник о. Филарет) († 27 октября 1899)

Некоторые из его сверстников и сослужителей у престола Божия, а также и его ближайшие наставляемые и ученики считали его великим старцем, каковой характеристики заслужил он от хорошо его знавшего, ныне покойного иеромонаха Флавиана.

В монашестве он носил имя Филарет, вот почему и звали его более этим именем. Родом происходил из чухарей. Усердно посещал церковные службы, был хорошим чтецом и всегда старался заменить заболевшего чтеца. В церковном чтении находил себе уладу и утешение.

На духовническом поприще о. Филарет сменил иеромонаха Ипполита. Должность духовника проходил со тщанием более двух десятилетий, а на склоне лет своих принял великий ангельский чин, облекшись в схиму. В Соловках, как в его время, так и раньше, был обычаем пострижения в схиму умирающих или слабых здоровьем, и число схимников было всегда значительно. Отец Филарет был хорошим наставником, со временем накопил значительный пастырский опыт в деле духовничества и охотно делился им со своими старцами по послушанию, например, с иеромонахом Кириллом и другими.

Был кроткий, смиренный. Милостивый – так звали его братья за его нищелюбие. Наружность его была приятна, движения и речь обдуманы и благообразны.

В последнее время очень страдал от рака горла, несмотря на все меры, принятые для излечения или облегчения от сего недуга. Отошел ко Господу, потрудившись на разных послушаниях 40 лет. При отпевании некоторые из братии ощущали благоухание, исходящее из гроба почившего. Похоронен в головной части кладбища, недалеко от о. Кирилла и о. Ипполита.

Отец Феодор как прозорливец

Одного монаха назначили в диаконы. Стал этот инок отпрашиваться. Тогда о. Феодор, строго взглянув ему в глаза, сказал: «Великим будешь иеромонахом. Будешь духовником – да еще на моем месте».

Из рухлядой братия получали готовые, казенного образца сапоги. Нуждаясь в обуви по мерке, о. Феодор (тогда еще иеромонах Филарет) с разрешения начальства сдал свои новые сапоги для обмена на сшитые специально ему. Сапожник-послушник Яков Рогозин закончив свою работу, стал рассуждать:

– А что даст мне о. Филарет за всю эту работу? Пятерку не даст. Да и не я один, а многие так рассуждают при нашем тяжелом и грязном послушании. Хотя ведь не всегда он бывает строгий, но и милостивый. Ну что же, пожалуй, рублик и даст за работу. А что бы купить на рублевку?

После осмотра сапог о. рухольным понес он их о. Филарету, а сам все размышляет о рублевке. И вот с такими думами пришел послушник в келлию о. Филарета.

Вошел в келлию, сдает сапоги о. Филарету. Тот выслушивает со вниманием слова послушника о сшитых сапогах, потом, пристально смотря послушнику в лицо, протягивает ему гривенник и неожиданно спрашивает:

– Мало, мало тебе? Тебе рублевок надоть? Ну а что ты думаешь на эту рублевку покупать?

Послушника всего так и затрясло от стыда за свои мысли. А духовник возвращается к себе за перегородку и среди кучи медных денег начинает набирать по гривенникам, приговаривая:

– Рублевки ему надоть, мало, мало дали.

Выносит кучу меди, снова сует монеты послушнику и приговаривает:

– Вот тебе рублевка.

Послушник этот, сейчас уже в мантии и священном сане, и поныне пребывает в Соловках.

Монах Михей (слепец-звонарь)

Двадцать три года был звонарем. Вот что он сам о себе рассказывал.

«Когда был послушником, читал Псалтирь, враг на меня полчищами нападал. А во сне то зверем бегал, то бесноватым. А когда поучал или псалмы читал, то бесы повторяли сии песни громко.

И это еще что! А вот когда нечистые явно с койки сбросят. Боялся я в келлии спать. Так около двух лет и страдал. По молитвам о. Филарета избавился от искушений. “Живый в помощи Вышняго” читал, дверь крестил и ту и другую».

«На Пасху бесы снились.

– Ты не слушай архиерея. Он все лжет, он обманщик, он все неправду говорит. Мы тебя арестуем за то, что ты с архиереем говоришь...

– Как он может лгать?.. Он архиерей.

– А ты его не слушай.

“Во имя Отца и Сына и Святаго Духа” крещу их. Отошли. А потом опять напали. “Богородицу” три раза прочитал. Появилась женщина в пестром одеянии, платок на голове.

– Ты отогнал своих врагов. И впредь так делай: никогда не арестуют».

«До пожара 1923 года на трапезе была икона Божией Матери “Всех Скорбящих Радость”. После вечерней трапезы приложился к устам Ее. И вижу во сне Владычицу:

– Как ты мог на иконе к Моим устам приложиться?!

– Царица Небесная, прости меня, по неведению приложился, как слепой приложился.

Вся затрепетала, засияла, как огонь... Такое видение было».

«Когда поступил, все плакал и просил себе исцеления. Пришел во сне к преподобному Зосиме. Он сидит, одних благословляет, других отводит. Я подошел. Он нахмурился.

– Ты что же просишь? Прозреть. А где лучше видеть, как думаешь, там или здесь?

– Как не там.

– Ну, если Бог посетил тебя, так и живи.

И благословил...»

«Вскоре по вступлении своем в монастырь я любил ходить в свободные часы служить в церкви. Из старшей братии я никого и не знал еще. Вдруг подходит ко мне старичок-батюшка и говорит:

– Ты будешь монахом, и тебя из монастыря не вывезут.

А были у меня думушки о том, что, по слабости здоровья моего, настоятель меня держать в послушниках не будет, а как сказал он мне это, я в сердце своем сложил и хранил, а сам тотчас спросил кого-то из братии:

– А как зовут этого батюшку?

– Это иеросхимонах Иоанн Теросин».

Прошли годы. Наступило время занятия монастыря, сперва сельхозом, а затем лагерем ОГПУ. И что же? Несмотря на целые десятки высланных на материк инвалидов-монахов, о. Михей, хотя и слепец, остался на месте.

И ныне исполнились в точности слова старца о. Иоанна, что о. Михея из монастыря не вывезут. Стало понятно, почему он уверенно сказал о. Михею о том, что он будет монахом. Дабы сперва надлежало быть первому, а затем утвердиться второму.

Рясофорный монах-послушник Иоанн Грозный († 28 февраля 1901)

Проживал на конном дворе. Трудился шорником, сапожником, караульщиком по кремлевской стене, затем был раздатчиком во время трапезы.

Постоянно ворчал. Был крупного телосложения, обладал здоровым и сильным голосом, на всех покрикивал и будто бы всегда сердился. Но в душе не имел ни на кого злобы или гнева. За свой нрав был прозван Грозным, да и имя его было Иоанн.

В насмешку над ним одного из монастырских коней называли Грозный, но он и на это особо не обращал внимания – посердится, а затем и отойдет. С прозвищем Грозный и помер, и на могильном кресте сие слово было закреплено.

Иеромонах Флавиан

Сохранилась его молитва на заглавном листе принадлежавшего ему «Правила молитвенного готовящимся ко Св. Причащению» (М., 1893) и по его кончине поступившего на братское пользование в Онуфриевскую церковь.

«Господи Иисусе Христе, Боже мой, посещаяй тварь Свою, Емуже явленны страсти моя, и немощь естества нашего человеческого, и крепость супостата нашего. Ты Сам покрый мя от злобы его, зане сила его крепка, естество же наше страстно, и сила наша немощна.

Ты убо, о Благий! ведый немощь нашу и носяй неудобство бессилия нашего, сохрани мя от смущения помыслов и потопа страстей: и достойна сотвори мя сея службы Твоя святя, да не како в страстях моих растлю сладость ее, и обрящуся безстуден пред Тобою и дерзостив: Господи, Пресладкий мой Иисусе, помилуй и спаси мя».

Монах Евлогий

Бывало, подойдет о. Евлогий к монахам или к молодым послушникам, неопытным в духовной жизни, и начнет им рассказывать про борьбу со злостью силою, да как бы не про себя, а про слушавших. Иногда такой оборот речи имел и прикровенный смысл, чтобы довести до раскаяния и исправления, и часто этот способ уврачевания больной души лично о. Евлогием всегда кончался благотворно и душеспасительно.

Как-то раз он говорил монаху Л.:

– Как начнешь читать Псалтирь, так и завоет и запоет в трубе он бес, но нисколько не прекращаю читать, опять шумит... а потом страх переборешь, и отойдет вся вражья сила от тебя.

Соловецкие крупицы и блестки

Рассказы иеросхимонаха Анатолия

Иеросхимонах Анатолий, проживавший на материке с 1923 года, будучи еще фельдшером больницы, рассказывал о себе следующее.

«Еще до поступления в Соловецкий монастырь находился я под руководством одного старца, жившего в миру. Обитал старец в своем доме, занимая небольшие комнатки. До последнего времени почти все он делал сам. Я же, как обученный грамоте, больше прилежал у него на исполнении старческих келейных правил.

Помню, как-то раз читал я вечернее правило. В келлии мы были вдвоем со старцем. Вдруг мне показалось, что словно кто-то прильнул к окошку. Я остановился. В это время послышалось царапанье по стеклу. Меня охватил страх, а старец мой только и повторяет:

– Читай! Тебе говорю, читай!

А мне не до чтения. Вижу, словно окошко открывается и в келлию пролезает какое-то страшилище с телячьей головой. Тогда старец истово перекрестил окошко. Видение тотчас исчезло. А старец мой стал меня наставлять:

– Вот видишь, ты и не читаешь, и отрешился от молитвы, а сатане только это и надобно.

Тогда я убедился, какой молитвенной силой обладает сей старец. Не уstraшенный дьявольским наваждением, он опытно показал мне, как силою креста и молитвою побеждать врага рода человеческого».

Еще сказывал о. Анатолий от преданий старины и старцев, что в Соловках жило немало провидцев, благодетелей, совершителей подвигов любви чрез тайную подачу неимущим денег, продуктов, белого хлеба и других мелочей, необходимых для монашеской жизни. И делалось все это так просто, и в то же время по возможности скрыто, что получатель зачастую и не узнавал об этом.

Больничный фельдшер, иеромонах Анатолий, рассказывал, что он был неоднократно свидетелем истинно блаженной кончины неведомых монастырю подвижников.

Были среди них такие, которые за несколько времени до своей кончины точно предсказывали ее день и час и в указанный срок с миром и радостью о Господе уходили в вечный покой. Были и такие, которые при кончине своей словно ощущали присутствие невидимых для внешних, неведомых небожителей, ободрявших при отходе в вечность умирающих и

оставлявших на их лице и устах неземные улыбки и радость о Господе.

Для безнадежно больных и стариков больница являлась последним этапом их труженнической жизни, в большинстве долголетней и многотрудной, этапом радости последних усилий покинуть грешный мир.

Те же переживания за блаженно отходящих передавал нам и другой фельдшер, иеромонах Игнатий, по должности своей принявший не одного из старцев и братии.

Рассказ монаха Михея

Послушник Алексей повесился в Никольской башне. Жил 4 года в монастыре, был на послушании слесарем, «заправлял» и чинил часы по келлиям. Однажды он пожаловался:

– На меня староста сильно нападает, не знаю, что делать. Уезжать неохота, жить нет сил.

Вскоре после этого как-то пошли люди на обед, а Алексей направился в башню, где хранились все материалы. Ключи были у него. На обед он не пришел, стали его везде искать. Нашли его в башне, видят – висит на перекладине... Похоронили без отпевания, но «Святый Боже» пели. Настоятель за пение выговорил. Будильщик взял вино на себя. (Ревизор архим. Борис неодобрительно высказался по поводу пения при погребении самоубийцы.)

Не прошло и полгода, вижу сон. Будто стою я в церкви. Служил иеродиакон Киприан и произносил ектении. Я мысленно осудил его и о. Порфирия за пьянство: «Люди молятся, а они пьянствуют».

Затем вошел в комнату, где о. Порфирий пьянствовал с помором. Вдруг все исчезло, я стал искать выход, но попал в западню. Там было дымно. Тогда я стал искать лестницу, чтобы выбраться оттуда. Надо было лезть вниз. И я полез.

Там внизу – огонь и колеса, которые так вертятся, что просто страшно. Колеса охвачены огнем, на них какие-то тряпки висят. Около колес стоит человек, прямо из-под него огонь пышет и всего его обхватывает...

Я и спросил его:

– Ты что здесь стоишь?

– Был я экономом казенных монастырских вещей, отдали меня под суд. Суда не дождался и удавился. Должен здесь стоять до 40-го дня, а потом на тех колесах буду висеть.

– А кто там висит?

– Люди висят.

А казалось, словно это тряпки. Я вновь говорю ему:

– И у нас недавно Алексей удавился. Неужели он здесь?

– Он был положен выше, там, где дым, ныне он спущен ниже, – ответил человек и указал на тьму рукою, – он там еще ниже, в большом огне вместе с фарисеями, которые Христа замучили... Там он ныне за то, что ваши монахи за него молятся. А молиться за таких монахам нельзя.

– И я молюсь за него...

– За нас Церковь запрещает молиться.

– Могу ли я выйти отсюда?

– Ты выйдешь отсюда, но, когда стоишь в церкви, не осуждай диаконов пьяниц. Сам не пьешь, а хуже пьяных диаконов ведешь себя.

После этого я со страхом пробудился. Отец духовник объяснил, что Ангел обличал меня для исправления моей жизни.

Иеромонах Филипп и многие другие поминали Алешу нашего...

Соловецкие ревнители послушания

Монах Мамант († 23 июня 1915). Кузнец. Около 50-ти лет без перерыва из особого усердия к труду работал на кузнице. Был на редкость трудолюбив и добросовестен.

Монах Нектарий. Имел прозвание Немка из-за того, что был немой. В монастыре прожил около 45-ти лет, трудясь без перерыва на послушании сапожника. Скончался в Архангельске.

Послушник Петр Суторин († 13 февраля 1892). Монашество предлагали ему не раз, но он всегда отказывался. Зимой нес послушание передовщика на ролле, а летом, в покосное время, неоднократно назначался поставщиком продуктов для братии.

Монах Арсений († 2 сентября 1894). Каменотес. Долго нес это тяжелое послушание. Был худенький, даже тощий. Одежда и обувь на нем были совершенно рваные, все в заплатках и дырах, а новых не носил и в смирении себя, служа в поношении братии.

Трудник Василий (Галактионович Кулаков) Молчаливый. Могила его под № 17 расположена в пятом ряду снизу от архангельской гостиницы. Надпись на кресте следующая:

«Под сим крестом покоится тело крестьянского сына Вологодской губернии, Вельского уезда, Жиги...вской волости, деревни Еллинск. Василия Галактионова Кулакова. † 1908 года, июля 23 дня, в 8 часов вечера. От роду 16 лет. Жития его во обители было один год, один месяц и 15 дней».

Затем следует стихотворение:

Прощальный привет от товарищей
Ты юной жизни на расцвете
Покинул все на этом свете,
Оставил мира суету, ея утехы, красоту,
И посвятил себя ты Богу,
Избрав спасения дорогу.
Всеvyšний внял твоей молитве,
Не допустил в житейской битве
Тебе век долгий коротать,
Но указал здесь умирать,
Не испытав страстей тревоги.
К Себе в Небесные чертоги,
С невинною твоей душой

На вечный взял тебя покой.
Венок тебе из белых лилий
Сплетем, наш милый друг Василий.

Любил ходить на полунощницы. Со рвением посещал все церковные службы в свободные от занятий часы. Работал в портновской мастерской. По отзывам братии был смиренный, послушливый и неспраднословный.

Трудник Филипп Петров († 22 февраля 1872). Христианский воин. От роду 49-ти лет, по усердию потрудившийся в святой обители сей в исправлении башенных часов.

Все они – незаметные монашеские труженики, безответные, бессменно несущие в подчас безотрадной внешней обстановке свои послушания по 10, 20, 30 и более лет и неропщущие на свою судьбу. Они не ждали повышений, перемен, наград – для них все это было безразлично и не составляло ценности. Они смиренно несли все тяжести монастырского жития, а их добродетель везде гналась завистью.

Они не напоминали настоятелю о желании быть постриженными и подчас умирали в годах послушниками, давно духовно созревшими для монашества. Многие для спасения своей души пострадали на своем послушании, покорно неся его и не обинуясь в его исполнении (это главным образом касается певчих, терявших свой голос, рыбаков и др.). Немало безвестных (тайных) подвижников и тружеников скрывали свои духовные дары и благодатную духовную жизнь за внешней оболочкой обычной монашеской жизни.

Содержание

«Соловецкий цветник» митрополит Мануил (Лемешевский)	1
Архимандрит Иоанникий († 6 июня 1921)	3
Схимонах Азарий (Монах Герасим) († 22 июня 1914)	26
Схимонах Анания	27
Иеросхидиакон Арсений (Иеродиакон Антоний) († 10 августа 1922)	29
Архимандрит Варлаам († 16 декабря 1894)	30
Монах Даниил (старец Дионисий) († 31 октября 1888)	31
Схимонах Диомид (Монах Тарасий) († 29 августа 1921)	36
Иеромонах Дорофей Больничный († 19 апреля 1919. Пасхальная неделя)	37
Многоблезненный Монах Евфимий († 7 октября 1918)	39
Старец Иеросхимонах Захария (Зиновий)	41
Иеросхимонах Зосима († 4 мая 1920)	43
Иеросхимонах Иоанн Богадельный (Иеромонах Иов) († 7 августа 1922)	48
Иеросхимонах Иоанн (иеромонах Нестор) († 10 августа 1904)	49
Иеросхидиакон Памва († 9 августа 1896)	50
Архимандрит Питирим († 14 августа 1903)	51
Блаженный монах Тихон Больничный († 30 января 1901)	52
Иеросхимонах Феодор (Духовник о. Филарет) († 27 октября 1899)	55
Монах Михей (слепец-звонарь)	57
Рясофорный монах-послушник Иоанн Грозный († 28 февраля 1901)	59
Иеромонах Флавиан	60
Монах Евлогий	61
Соловецкие крупицы и блестки	62
Соловецкие ревнители послушания	65